

Граф. С. Толстая.

КУКОЛКИ-СКЕЛЕТЦЫ

И

ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

С восемью рисунками в красках, исполненными по плану
автора, художником А. Моравовым.

Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о Пименовская ул.

МОСКВА. - 1910.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Куколки-скелетцы. Святочный рассказ.....	3
Бабушкин клад. Предание.....	20
История гривенника. Сказка.....	31
Ваничка. Истинное происшествие из его жизни.....	39
Спасенный Такс. Рассказ Вани.....	43

КУКОЛКИ-СКЕЛЕТЦЫ.

Святочный рассказ

I

Елка.

Посреди главной улицы города Т... была небольшая игрушечная лавка старичка Сушкина. Добрый старичок с бритым лицом, покрытым мелкими морщинками, часто сидел на скамеечке перед своей лавкой, ласково кланялся знакомым детям и зазывал их что-нибудь купить или просто посмотреть на игрушки и поболтать.

Сам он не продавал, а был у него в лавке мальчик Саша, проворный и плутоватый юный приказчик. Он показывал игрушки, завертывал их, торговался с покупателями, запрашивал большую цену, уступал и любил разговаривать с господами. Когда долго не бывало покупателей или хозяин уходил из лавки, Саша выбирал лучшую гармонию и играл много разных пьес. Знакомые дети, гуляя по главной улице со своими гувернантками и нянями, любили заходить в игрушечную лавку и слушать Сашины пьесы.

- «Трепака» сыграйте, Александр Иванович, - просили дети. - или «Барыню», или «Сени мои сени», - и Саша играл, махая головой и пристукивая ножкой. Он играл и «Польку-венгерку», и «Вот мчится тройка удалая», и много других вещей.

Подходило Рождество. Старик Сушкин заказал игрушки к праздникам, и понемногу подвозили к его лавке с железной дороги, с фабрик и из деревень всякие игрушки, дорогие и дешевые, картонажи, фонари, точеные деревянные куколки, картонные и другие лошадки.

Молоденькому приказчику Саше уже не было времени играть на гармонии. Он весь день работал, раскладывал по шкапам и витринам хорошенькие вещицы; на полки ставились барабаны, звери, ящики с посудой и кирпичиками. На полу расставил Саша больших лошадок с гривой и без гривы, с седлами или шлейёй для упряжи; тут же он нагромоздил разные экипажи, тележки всех фасонов и кровати для кукол. А дудочки, фонари, ружья, кнуты и другие вещи развесил по стенам.

- Ну, слава Богу, немного разобрался, - сказал Саша старичку Сушкину, -теперь ярлычки навяжу.

- А это еще что? - спросил хозяин.

- Совсем было забыл; это из деревни привез мужик свое изделие, я по копейке купил у него этих кукол, так себе, скелетцы раздетые, ну просто дрянь. Вот сюда их бросить, в пустой ящик.

И Саша высыпал несколько десятков деревянных кукол в пустой ящик под полкой, и задвинул его. Скелетцы загремели, насыпаясь один на другого. Их деревянные черные глянцевитые головки забились друг о друга; ручки, приделанные на тряпочках, перепутались; прямые

деревянные ножки с накрашенными розовыми башмачками торчали неловко во все стороны. Скелетцам было темно, тесно, скучно и неловко лежать в ящике, и скоро о них забыли.

Недалеко от города Т..., в сельце Красные Поля, было большое волнение не только в барском доме, но и на дворе, и в деревне. Провезли на барский двор большую красивую елку, и на елку пригласили всех дворовых детей и многих деревенских. Сама барыня, Ольга Николаевна, с утра собиралась в город Т..., записывала на длинном листе бумаги, что нужно купить для елки, а дети бегали по всему дому, громко объявляя, что мама купит целую тысячу игрушек для всей деревни, и пряников, конфет и орехов. Она сейчас едет в город.

- И мы сами будем золотить орехи и насыпать в картонажи конфетки, - кричал маленький толстяк Илья, любивший покушать сладости.

- Ну, уж ты не можешь, ты мал, ты только есть будешь, - говорила 9-летняя живая и бедовая Таня.

- А мисс Ханна обещала сделать цветы, это будет очень красиво, - объявил маленький Леля.

- Маша, Маша, поди к мама, скажи ей, что нужно для цветов разноцветной бумаги, и клею, и проволоки,— сказала по-английски мисс Ханна.

- Она все переверт, - вмешалась черноглазая быстрая Таня и помчалась сама через все комнаты в спальню матери.

Степенный Сережа, игравший в зале гаммы, посмотрел на пролетающую мимо него сестру и пробормотал: - И чего волнуются, я совсем не люблю елок, одна суета и жара.

Но он встал и посмотрел в окно. У подъезда стояла тройка рослых гнедых лошадей.

Старый кучер Филипп Родивоныч, закутанный в тулуп сверх полушубка, в огромных рукавицах, в надвинутой на уши большой барашковой шапке дожидался своей барыни.

Мороз был сильный, градусов 20-ть. Солнце низко ходило и плохо грело в эти короткие декабрьские дни. Лошади подрагивали и водили ушами, нетерпеливо постукивая острыми подковами о мерзлую землю.

Наконец Сережа дождался, как вышла его мать, тоже закутанная в две шубы; он видел, и как экономка Дунечка распихала по уголкам саней мешки и кулечки для провизии, что-то приказывая кучеру Родивонычу, и Сережа, постучав в раму окна пальцами, кивнул в окно матери, и проводив глазами заскрипевшие по морозу троичные сани, сел опять к роялю.

Ольга Николаевна въехала на шоссе, обгоняя крестьянские подводы. Зазябшие мужики, согреваясь ходьбой и похлопывая руками в больших кожаных рукавицах, шли возле своих саней, подгоняя заиндевевших лохматых лошадок, везших в город продажный овес.

- Тоже к празднику кое-что купить надо, - заметил кучер Родивоныч, - везут овес продавать.

Один обоз обогнали, поровнялись с другим. К одним из саней привязана была лохматая корова; в санях сидела баба.

- Ишь, Ивановна корову ведет в город продавать, - продолжал вслух рассуждать Родивоныч, - не осилила зиму прокормить, корму не хватило.

- Это вдова? - спросила Ольга Николаевна.

- Да; Сидор, ея муж, летось чахоткой умер, трое малых детей осталось.

Ольга Николаевна ощупала в мешке кошелек. Она взяла сто рублей для подарков и покупок к праздникам и для елки, и ей стало неловко и скучно на душе.

- Стой, Родивоныч, - сказала вдруг она. Подвода с коровой поровнялась с санями Ольги Николаевны.

- Ивановна, подойди, ты ведешь корову продавать? - спросила она.

- Что делать, Ольга Николаевна, - кормить нечем.

- Не продавай корову, вот тебе, - сказала Ольга Николаевна, достав на морозе оочечневшими пальцами кошелек и подавая Ивановне 25-рублевую бумажку.

- Бери же, Ивановна, и поезжай домой, к детям; это тебе мой подарок к празднику, - прибавила Ольга Николаевна, пряча кошелек и руки в муфту, - Ну, поехали, - обратилась она к Родивонычу.

- И это радость моей душе к празднику, - тихо прошептала Ольга Николаевна и вспомнила, как на-днях старая няня подала нищему монетку и, отходя, перекрестилась.

Ивановна в своем плохом, стареньком полушубке и рваном платке на голове совсем закоченела от удивления, радости и холода не могла сказать ни слова.

Когда она наконец собралась поблагодарить барыню, та уже далеко отъехала на своей гнедой тройке, и Ивановна, перекрестившись, поблагодарила Бога.

Она завязала в уголок платка 25-рублевую бумажку и, повернув лошадь, поехала домой, раздумывая о том, какая будет дома радость ребятам. Они так плакали сегодня утром, когда провожали свою корову.

Ольга Николаевна, приехав в город, обогрелась в знакомой лавке, где толпа народа закупала разную провизию к праздникам, и заказала суетившимся приказчикам покупки. Она сняла свою вторую шубу, велела отпрячь гнедых и дать им корму. Потом она пошла в игрушечную лавку Сушкина. Молодой приказчик Саша очень старательно кланялся богатой покупательнице и стал показывать игрушки. Долго выбирала Ольга Николаевна разные игрушки: куклу, посуду, инструменты, декалкомании и наклейки, - каждому ребенку, что он любит. Илюша любил лошадей, ему купили конюшню со стойлами и лошадками в них; потом инструменты, и ружье, которое стреляло и пробкой и горохом. Маленькой Маше купили двух кукол и тележку; Леле - часы с цепочкой, кувыркающихся паяцов и органчик с музыкой. Сережа был серьезный мальчик, и ему Ольга Николаевна купила альбом, много декалкоманий и наклеек, еще настоящий ножик, в котором было девять разных инструментов: подпилочек, отвертка, шило, ножницы, штопор и проч. Кроме того, была выписана из Москвы книга о птицах. Черноглазой Тане Ольга Николаевна выбрала настоящий чайный сервиз с розовыми цветочками, лото с картинками, и еще красивый рабочий ящик, в который положили ножницы, катушки, иголки, ленточки, крючки, пуговицы, все, что нужно для работы, и хорошенький серебряный наперсток с красным камешком на дне.

- Ну, слава Богу, всем выбрала, - сказала Ольга Николаевна; - теперь, Саша, давайте мне разных игрушек для ребят и всяких украшений на елку.

Саша принес большой коробок и в него стали класть хлопушки, картонажи, фонари, восковые свечи, блестящие вещицы, бусы и проч. Для подарков же ребятам Ольга Николаевна спросила лошадок и кукол. Надо было выбирать игрушки и своим детям и ребятам попроще и подешевле; 25 рублей были отданы Ивановне и надо было теперь поменьше тратить денег. Она выбрала 30 маленьких лошадок на колесиках и спросила кукол.

В это время к лавке подъехал молодой мужик и, подойдя к Саше, с веселой улыбкой спросил для своего парнишки игрушку на пяточок.

Молодой приказчик порылся в лошадках, достал одну и подал мужику.

- Ведь эти вы для меня отобрали, - сказала Ольга Николаевна.

- Нет-с, эта вам не годится.

- Почему? Саша молчал.

Ольга Николаевна взяла из рук мужика лошадку и увидала, что одна нога надломлена и колесик отскочил совсем.

- И вам не стыдно, Саша, подсовывать этому бедному мужику непременно сломанную лошадку.

Саша покраснел и стал оправдываться, говоря, что не заметил. Плутовские глаза его забегали, он переменял худую лошадку на крепкую, подал мужику и взял у него пятак. Мужик учтиво поблагодарил, опять улыбнулся и вышел.

- Я у вас на 40 рублей покупаю, мне не годится, по-вашему, сломанная лошадка, а бедному годится? Стыдно, Саша, стыдно, - продолжала упрекать приказчика Ольга Николаевна. - Ну, теперь дайте мне недорогих раздетых кукол.

- Таких нет-с, - ответил Саша.

- Не может быть. А, здравствуйте, Николай Иванович, - поздоровалась Ольга Николаевна с входившим в лавку хозяином, её старым знакомым .

- Наше вам почтение, - ответил старичок.

- Вот спрашиваю, нет ли кукол, дети мои их будут сами одевать; нам для ребят и девочек крестьянских их много надо.

- Да ты покажи, Саша, скелетцев-то барыне, может понравятся.

- Знаю, что не понравятся, — презрительно сказал Саша. - Не господский товар. Да для деревни разве сойдет...

И Саша выдвинул ящик и забрал в обе руки целую горсть раздетых деревянных кукол, которых он презрительно называл скелетцами. Скелетцы засуетились, яркий свет лампы осветил их лица и черные глянцевитые головки. Им стало весело, светло, просторно. В ящике лежать уже надоело, и скелетцы очень желали, чтобы их купили и оживили.

Ольга Николаевна сосчитала и купила все сорок штук.

- Ну, теперь все, - сказала она. - Пишите счет, а я пойду пока покупать орехи, конфеты, пряники, яблоки и разные сладости. Потом зайду к вам за игрушками и заплачу деньги.

Проворный, плутоватый Саша принялся все укладывать, наложил два полных короба, а скелетцев опять стиснул, завернул в толстую серую бумагу, завязал веревкой и швырнул на короб.

Ольга Николаевна, кончив все дела, и забрав покупки, наконец собралась домой. В городе Т... зажгли фонари, мороз стал еще сильнее; слышно было, как визжали по крепкому снегу железные полозья. Когда Ольга Николаевна выехала из города и платила деньги у заставы, она случайно взглянула на небо и поражена была красотой ярких звезд. Деревья были белые от инея, все поле было белое, даже воздух серебрился от инея. Как чисто, спокойно, просторно в поле! Не то, что в городе.

Часов в шесть, прямо к обеду, вернулась Ольга Николаевна домой. Дети, нетерпеливо ждавшие ее, бросились вниз, в переднюю, встречать мать.

- Холодное, все холодное, - кричала она снизу, - не ходите вниз, ничего еще нельзя смотреть.

- Мама, мама, что купила? Много купила? А мне что? - кричали дети.

- После обеда все разберем, а теперь уходите! Слышите, уходите, а то ничего не покажу до елки.

Пять пар детских ног затопали по паркету залы, но шум и оживление не прекращались.

- Ура! мама приехала!

- Короба огромные такие. Я видел.

- Я уверен, что мне пистолет мама купила...

- Беги, я тебя догоню, - кричала живая Таня, толкая Илюшу в спину, и оба со смехом побежали вокруг стола, на котором был накрыт обед.

Толстяк Илюша, стараясь убежать от Тани, по пути захватил угол скатерти, потянул ее и сдернул на пол целый прибор. Тарелки, ножик, вилка, ложка, солонка - все с шумом полетело на пол, и в эту самую минуту вошел отец.

- Что это? - строго спросил он. Все вдруг затихли. Таня начала подбирать приборы, но мисс Ханна не велела ей брать в руки черепки, а подобрала их сама. Таня же тихонько, сзади, подошла к отцу, который сел уже к столу, и, быстро поцеловав его в макушку головы, прошептала: - Папа, виновата.

Отец улыбнулся своей любимице - и погладил ее черную головку.

Обед прошел тихо. Ольга Николаевна рассказала, как съездила в город, пожаловалась на холод и сказала девочкам, что после обеда надо выбрать лоскутки и начать одевать скелетцев.

- Какие скелетцы? - спросила Таня смеясь.

- А это такие куколки, приказчик Саша их назвал скелетцами. Ты увидишь. Они лежали в игрушечной лавке в ящике, их не показывали, а я их открыла и вывела на свет. Мы так их нарядим, что просто чудо.

После обеда принесли обогревшихся скелетцев и сразу высыпали на большой стол.

- Какое безобразие! - сказал отец. - Да это Бог знает какая дрянь. Какие-то уроды. Только портить вкус детей таким безобразием, - ворчал отец и сел читать газету.

- Погоди, когда мы их нарядим, не будет дурно, - сказала мать.

- Ха-ха-ха, - смеялась Таня. - Ноги-то какие, точно палочки с розовыми башмачками...

- А этот курносый, голова черная блестит, лицо глупое и краска клейкая какая, фу!.. - брезгливо заметил Сережа.

- Ну, пляшите, мертвецы, - говорил Илюша, взяв двух кукол и заставляя их прыгать.

- Give me one^{*}, - просила крошка Маша, протягивая свои худые беленькие ручки.

Скелетцы были очень счастливы. Им было тепло, светло и радостно с детьми. Они спали мертвым сном в темном ящике игрушечной лавки, им было холодно и скучно. И вот они были призваны к жизни. Их деревянные маленькие тельца стали отогреваться и оживать, их хотели наряжать и они будут стоять на елке на большом круглом столе, посреди которого будет маленькая елка со свечами и украшениями. Как весело!

- Ну, девочки, пойдете выбирать лоскутки, - звала Ольга Николаевна Таню и Машу.

В спальне она выдвинула нижний комод и достала несколько узелков с лоскутками. Чего, чего там не было! Вот остаток от Таниного красного платья; а вот полосатенький лоскуток от русских панталон Илюши; кусочки лент от шляпы мама, бархат, остаточки от голубой шелковой подушечки и проч. и проч. Таня и Маша, две настоящие маленькие женщины, возились в лоскутках с большим увлечением. Они набрали целый узелок тряпочек и побежали в залу.

Началась кройка, примерка; сочиняли для скелетцев всякие костюмы. Мисс Ханна, Ольга Николаевна, няня, которую позвали помогать, Таня, - все принялись за работу. Таня сшивала и рубила юбочки и рукава, мисс Ханна и няня шили для мальчиков рубашечки, куртки и панталончики, а Ольга Николаевна делала шапочки, шляпки и разные украшения.

Первого, самого хорошенького скелетца одели ангелом. Пышная, белая кисейная рубашечка, на голове венчик из золотой бумаги, а за деревянной спинкой два кисейных, натянутых на тонкий каркас, крылышка.

- Какая прелесть! - умильно любовалась Таня, взяв из рук матери куколку. - Ах, мама, какой миленький ангелок, кому-то он достанется!

И Таня, полюбовавшись нарядным скелетцем, бережно поставила его в сторону.

* Дай мне одного

- А няня-то какого мужика одела, чудо! - кричал Илюша, поднимая куколку в красной рубашке и черной круглой шапочке.

Затейщица Таня сделала турку в белой чалме с красным доньшком. Турке наклеили усы и бороду, сделали длинный, пестрый кафтан и широкие шаровары.

Потом нарядили еще скелетца офицером в золотых эполетах и с саблей из серебряной бумаги.

Были наряжены и кормилица в кокошнике, и старушка с белыми волосами из ваты, и цыганка в красной шали через плечо, и танцовщица в коротенькой юбочке с цветочками на голове, и два солдатика в синем и красном мундирах, и паяц с острой шапкой, на конце которой был пришит бубенчик. Был и повар весь в белом, и ребенок в чепчике, и царь в золотой короне.

Работа шла весело и быстро. Из безобразных голых скелетиков все больше и больше оживали красивые, пестрые, нарядные куколки. Очень хороша была царица. Ольга Николаевна вырезала ей из золотой бумаги корону, сделала длинное бархатное платье, а в деревянную ручку сунула маленький веер.

Дети были в восторге от скелетцев. Три вечера под ряд шла работа, и все сорок штук были готовы и стояли рядами на столе, представляя из себя самую пеструю, красивую толпу.

Смелая Таня сбегала за отцом и привела его в залу.

- Смотри, папа, разве теперь это дрянь?

- Неужели это те уродцы, которые привезла мама. Не может быть! Да ведь это прелесть что такое!

- То-то, папа, ты нас похвали, мы три дня работали.

- Ну, оживили вы этих деревянных мертвецов. Целый народ, да еще красивый, нарядный народ!

Дети были в восторге, что сам папа похвалил скелетцев, и на следующий день пошла другая работа. Начали золотить орехи, делать цветы, клеить коробочки, а кукол убрали в шкаф. Ожившие скелетцы уже не скучали.

Собравшись в просторном шкапу, одетые, нарядные, они терпеливо ждали елки, и весело проводили время в шкапу среди других игрушек: зверей, картонажей, и прочих красивых вещей.

Наконец наступило Рождество. Какое было с утра волнение! Нарядные дети бегали по всему дому, поздравляя всех с праздниками. Ольга Николаевна озабоченно ходила по всем комнатам и даже в кухню, раздавая рождественские подарки и деньги своей прислуге. Каждому, кроме денег, она приготовила подарок и пакет со сладостями.

Собралась в столовой вся семья. Мисс Ханна, добрая и веселая англичанка, сделала к утру удивительный кекс с изюмом и коринкой, а к обеду огромный плум-пудинг, который с утра, завернутый в салфетку, кипел на плите у старого повара Николая, а за обедом должен будет пылать, облитый ромом и зажженный.

Боже мой, как было весело! Морозное солнце блестело сквозь узоры замерзших окон и освещало огромную нарядную елку в зале. На круглом столе расставлены были скелетцы, один красивее другого. С другой стороны были лошади, гармонии и другие игрушки для ребят.

На другом столе разложено было пять отделений разных подарков, и к каждому положена записка, кому какие. В стороне положен был подарок для Ханны: золотая брошка и батистовые платки в плоской коробочке, перевязанной розовой лентой.

Ольга Николаевна прикрыла все длинной кисеей, чтобы дети до вечера не видали подарков.

После завтрака приехал с крестом сельский священник Василий Иванович, который давал Сереже и Тане уроки из Закона Божьего и, рассказывая им что-нибудь, беспрестанно спрашивал: «Усвоили-с?», что очень смешило детей. С ним вошел рыжий дьякон и веселый дьячок Алеша, с которым во время службы переглянулся Илюша и оба нечаянно рассмеялись. Рыжий дьякон, расправляя руками по обеим сторонам свои длинные волосы, строго оглянулся и запел басом молитву.

Все набожно подошли к кресту, няня поцеловала батюшке руку, Ольга Николаевна сунула в руку Василия Ивановича деньги, спросила о здоровье его супруги и детей и пожелала приятно провести праздники.

Но как долго еще до вечера! Дети совсем потеряли терпение - и те, которые жили в доме, и те, которые собрались у крыльца на дворе. Там была целая толпа, почти вся деревня; дети болтали, толкали друг друга, заглядывали в окна дома, делая свои замечания.

Наконец и обед кончился. Пудинг, который пылал как целый костер, съели, снесли кусок няне; но няне пудинг совсем не понравился, и, к удивлению маленькой Маши, она сказала, что молочная лапша гораздо вкуснее.

Но вот наконец заперли двери залы, и Ольга Николаевна, Ханна и лакей Петр, привязав на палки восковые свечки, стали зажигать елку.

За дверями со стороны гостиной толпились дети Ольги Николаевны и несколько дворовых. Бойкая шалунья Таня толкала прачкину Варьку к щелке двери и говорила:

- Смотри, Варя, там, под елкой, медведь сидит.

- Глупости, - серьезно возразил Сережа. Мечтательный Леля заметил, что лучше всего это красота елки, и ему хотелось бы подольше ее не разорвать. А маленькая Маша без-умолку болтала по-английски о том, какие у нее будут куколки и вещицы. Здоровый Илюша больше всего радовался, что сладкой еды будет на целую неделю, если только уметь удержаться и не сразу все съесть.

У другой двери, на просторной площадке и вдоль лестницы стояли деревенские дети, все закутанные, в полушубках, лаптях; ничего нельзя было разобрать, что они болтали, только можно было слышать, что все были веселы. Няне поручено было впустить детей в залу, когда раздастся звонок.

Наконец колокольчик зазвенел, обе двери отворились, и толпы детей ввалились с двух сторон в просторную залу большого деревенского дома с белыми стенами, на которых выделялась большая темно-зеленая, но ярко освещенная и блестящая елка.

В первую минуту все затихло, дети молча глядели ослепленными от света и блеска глазами на елку. Мало-по-малу посмелее ребята стали обходить елку кругом.

- Зайчик-то беленький висит! - вскрикнул маленький Петька.

- Ишь, яблоки-то и орехи золотые! - любовались девочки. - А бусы-то, глянь!

- Мотри, Парашка, птичка болтается, словно живая, только не поет, - заметила Акулька Ершова.

- Конек - то ясный - трогая серебряную лошадку говорил Федька Фоканов .- Подойдите сюда, - позвала Ольга Николаевна ребят и девочек, подводя их к куколкам-скелетцам.

Некоторые дети даже вскрикнули от радости и удивления.

Нарядные скелетцы стояли вокруг маленькой, тоже разукрашенной и зажженной елки. Они казались такие веселые, счастливые.

- Куклам елку сделали! - воскликнула Таня. - Ура! Вот чудо!

- Тоже и им веселиться надо, - заметил Леля, улыбаясь и радуясь.

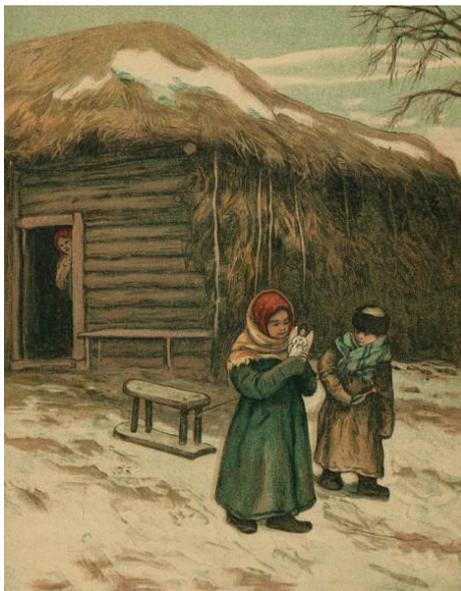
- Ну, давайте их раздадим, - сказала немного погодя Ольга Николаевна. - Таня, помогай.

Стали дарить деревенским детям лошадок, дудки, старшим - книжечки, гармонии, меньшим - скелетцев. Таня набрала в руку несколько штук и, соображая по характерам, совала быстро в протянутые красные ручки ребят и девочек куколок-скелетцев.

- Этого тебе, - сказала она, давая турку маленькому Власу с подслеповатыми глазами и плутовской улыбкой.

- Тебе, Федька, офицера, а тебе - вот, бери царя. Сиротка в лохмотьях, сын вдовы Ивановны, Мишка, протянул свою худенькую ручку и взял куколку-царя. Леля пристально смотрел на все

это и глаза его устремились на беленькое задумчивое личико 6-летней Акульки Ершовой. Он молча взял из кучи скелетцев ангела с крылышками, которого так красиво, нежно и легко одела его мать, и подал куколку Акуле. Она вдруг улыбнулась, вся просияла и поцеловала куколку.

Когда раздали все игрушки деревенским детям и многие из них грызли крепкие красные крымские яблоки, которые беспрестанно тяжело падали с елки и, громко стуча, катились по паркету, счастливые и довольные все пятеро детей Ольги Николаевны стали рассматривать свои игрушки и вещицы и бросились благодарить мать.

Долго горела елка; ребят и девочек заставили петь. Запели веселую плясовую песню; подслеповатый Власка бойко выскочил в середину залы и начал плясать, приговаривая: «Я вот какой!» Веселый Федька Фоканов смотрел, смотрел и тоже принялся выделывать ногами разные штуки, к общему смеху детей.

- Да ты разденься, кафтан-то сними, - говорила няня, Федька сбросил кафтан на пол, поднял кверху скелетца-офицера в красном мундире и с ним вместе пустился опять плясать. Смех и одобрение детей раздались еще громче. Кто-то достал гармонию и указал еще на девочку, которая хорошо пляшет.

- Ну, Дашка, валяй! - уговаривали ребята.

Дашка помялась, но передав свою куколку-царицу рядом стоявшей с ней Матреше, сбросила с головы материнскую красную шаль, сделала серьезное лицо и плавно, по-бабьи, ударяя руками в ладоши и поднимая их выше головы, грациозно прошлась вокруг залы, приплясывая мелкими шажками и покрикивая изредка тонким голоском.

- Молодец Дашка, вот люблю! - с восторгом кричала Таня, блестя своими черными глазками и прыгая на месте.

Но становилось поздно, Ханна увела спать маленькую Машу, все дети устали. Няня позвала ребят и велела всем уходить.

Затопали детские ноги вниз по большой лестнице; двери передней со скрипом и треском отворились, впустив в дом морозный воздух, и толпа крестьянских детей с шумом и говором побежала с горы вниз по старой березовой аллее, которая сыпала со своих холодных голых веток мелкий морозный снег на веселые детские головки.

Елку потушили. Сережа разбирал свои наклейки и любовался китайцами, индейцами и разными народами, которые были ими изображены. Затем он раскрыл книгу Кайгородова и увидел чудесные картинки птиц всех пород. Все это очень ему нравилось.

Задумчивый Леля, очень любивший музыку, тихо вертел ручку органчика и старался понять мотив пьесы. Потом он завел часы и надел цепочку на шею.

Илюша был особенно в восторге от ящика с инструментами, настоящего ножа и ружья. Конюшню с лошадаками он поставил себе под кровать и ел уже пятое яблоко. Большой пряник, изображавший рыбу, тоже исчез, и у него отобрали остальные сладости, спрятав их до другого дня, чтобы он не съел лишнего и не заболел.

Больше всех сияла Таня. У ней столько было вещей, что она сама донести не могла до детской. Завтра будет у неё настоящий чай в новой посуде; она позовет и няню, и прачкиных девочек, и кукол, и пир у неё будет удивительный.

Большие старинные часы на площадке лестницы пробили медленно и звонко 12 часов ночи. В доме было тихо, тихо, все спали; в пустой холодной зале валялись кусочки пряников, скорлупки золоченых орехов, сломанные картонажи и огарки восковых свечей. Две мышки среди залы старательно что-то грызли и тоже угощались после елки.

В детской слабенькая Маша, слишком уставшая, хныкала, беспрестанно просыпаясь, и звала няню. Рядом с ней у самой подушки лежали две хорошенькие фарфоровые куколочки, беленькие, как она сама.

На деревне тоже потушили огни. Яркие звезды горели на дальнем небе. В избе Ершовых теплилась лампадка перед образами и плакал грудной младенец, которого пеленала мать. Беленькая нежная Акуля, завернувшись в ваточное одеяло из ситцевых разноцветных лоскутков, крепко спала на лавке, а над ней, на полочке, стояла куколочка-ангел.

Вдова Ивановна долго вечером убирала избу и готовила что-то в углу. Трое детей ее спали тут же, и у меньшого, Мишки, в кулачке был зажат скелетец-царь. Корона из золотой бумаги смялась. Ивановна тихо достала его из руки мальчика, поправила корону и поставила на стол. На дворе промычала корова, которую так и не продала Ивановна; и сегодня они все по случаю праздника ели молочную кашу и пили чай с молоком.

Веселый Федька Фоканов, живший на краю деревни, так много заставлял плясать своего офицера, что оторвал у него руку и бросив под лавку, лег спать рядом с дедом Михайлой.

И вот с этого вечера скелетцы начали новую жизнь по избам Краснопольской деревни.

II.
В деревне.

Наступила масленица. Ребята на деревне готовили скамейки и поливали их, чтобы кататься с гор. Ученье в школе на время прекратилось и опять везде был праздник. Мужики и бабы съездили в город, купили муки на блины, масла, а кто побогаче - снитков и селедок.

Погода была чудесная. После оттепели был мороз, светило солнце, дороги были гладкие, скользкие, а ребятам то и надо для катанья.

Из всех почти изб, где были дети, вышли мальчики и девочки со своими скамейками и салазками, которые они везли на веревочках. Где садились по двое, где по трое и летели вниз по деревне с длинной и довольно крутой горы. Вот и Федька Фоканов со старшим братом Иваном вывез большую длинную скамейку, всю обледенелую.

- Эй, Мишка, - позвал Федька сироту Мишку, сына Ивановны, - у тебя нет скамейки, садись с нами.

- И ты, Власка. Набирайся народ, всем место будет, А это что? - спросил Федька Власа.

Ребята вдруг весело расхохотались. Из-за пазухи полушубка Власки торчала головка куколки-скелетца, одетого туркой в белую чалму. Личико уже все слиняло, чалма стала грязная.

- Везем и турку кататься! - торжественно произнес Федька.

Большая скамейка тронулась и быстро полетала вниз по горе при веселых и оживленных криках ребят.

В избе Матвеевых ели блины, и мальчики, Коля и Саша, спешили тоже на улицу, облизывая масляные пальцы и надевая полушубки. Под столом валялся скелетец-солдат в синем мундире, на котором вместо пуговиц пришиты были золотые бисеринки. Его забыли, и он, пыльный, скучал в темноте.

Дверь отворилась, и вместе с соседом Петькой влетел в избу щенок. Он сразу увидел куколку и бросился ее трепать.

- Я-те дам, брось, - кричали мальчики, стараясь отнять куколку, и все бросились на лохматого, с сморщенной мордочкой серого щенка. Но было поздно, офицер был весь истерзан, шапка отлетала в сторону, ручка с саблей из серебряной бумаги была оторвана, головка, в зубах и слюнях щенка изгрызенная, стала такая противная. Маленький Саша заплакал; постарше его, Коля, взяв куколку, решительно выскочил из избы и далеко забросил ее в снег.

Через несколько минут горе было забыто, и все трое летели с горы; а виновный лохматый щенок, закусив на сторону язычок, стремительно бежал за скамейкой, догоняя ребят.

Из маленькой избушки на углу переулка деревни вышла Акуля. Она тащила за веревочку крошечную скамейку, которая зацепилась за дверь, и оглянулась на мать.

- Акулюшка, не ходи у тебя головка болела, вишь ветер поднимается, не ходи, дитятко, — говорила мать.

- Ничего, мамушка, теперь прошло, — отвечала Акуля, — я с Матрешей немножечко покатаюсь.

И Акуля вышла на улицу, а мать, вздохнув, вошла в избу, села на лавку и взглянула на полку, на которой стояла куколка-скелетец, одетая ангелом. Белое платьице и крылышки закоптились и стали серыми, личико куклы тоже потемнело. Акуля очень любила своего ангелочка и берегла его, и мать это знала. Она взяла куколку, стряхнула с нее пыль и копоть и, поставив на место, пошла и легла на печь. Ей что-то было так тяжело на душе, что она и заснуть не могла.

Через час пришла Акуля. Она вся тряслась, лицо ее было бледно, и она, бросив скамейку, сейчас же вскочила па печь и легла рядом с матерью.

- Мамушка, мне дюже холодно, — сказала она, стуча зубами.

- То-то, дитятко, говорила я тебе не ходи кататься; дай чайку тебе заварю.

И Акулина мать, которую звали Марфой, слезла с печи, вышла в сени, поставила маленький, весь дырявый самоварчик, достала из шкафчика бумажный небольшой сверток, вынула из него крошечную щепотку чая и заварила его, когда вскипел самовар. Она сунула Акуле кусочек сахару и стала поить ее чаем. Но Акуля и пить не могла. Голова ее горела. Только голубые глаза ее блестели, маленькие красные руки тряслись и не могли держать блюдца. Вскоре она заснула, жар делался все сильнее. Иногда она вскакивала и кричала:

- Боюсь, боюсь, меня кто-то хватает...

К утру она затихла и потеряла сознание. Так Акуля больше и не опомнилась. Из барского дома приходил доктор ее лечить, но все-таки к вечеру другого дня Акуля умерла.

Марфа, горько плача, одела свою любимую дочку в белую рубашечку и розовый сарафан, накрыла личико белой кисеей и зажгла восковую свечу.

Тихий свет падал на ангельское милое личико Акули, а куколка-ангелок стояла над ее головой на полочке.

- Возьми свою игрушечку, - сказала Марфа, - с собой в могилку. - И, сняв ангелочка с полки, положила рядом с Акулей.

Акулю похоронили вместе с ее любимой куколкой, и осталась на свете одна ее бедная, горяющая мать.

В этом году Пасха была поздняя и весна захватила и великий пост. Ручьи широкими потоками от таявшего снега бежали во все стороны с горы деревни Красные Поля. Ребята

бросали в воду щепки и палочки и с веселыми криками бежали за ними. Лихой и умный Федька Фоканов сделал настоящую лодку, выдолбив ножом чурку; он поставил в нее две палочки, которые вдолбил в дно, и навязал на них в виде флагов красные кумачные лоскутки, которые выпросил у матери.

Когда Федька вынес лодочку, все ребята, его окружили с любопытством и восторгом.

- Ну, пускай лодку в реку, - кричал один.

- Уплывет, не уловишь, - кричал другой.

- Небось... - подбодряли Федьку.

Лодочку пустили, она быстро поплыла по ручью, и ребята побежали за ней. Но вот бугорок, лодочка за что-то зацепилась и остановилась. Федька схватил ее.

- Постой, ребята, то-то смеху будет, - сказал он и побежал назад, прямо в свою избу. Через несколько минут он вышел с куколкой-офицером, одетым в красный мундир, без руки. Он посадил офицера в лодочку и ниткой привязал его к палочкам с красными флагами.

- Вот хорошо-то! Ну, безрукий офицер, ступай опять по морю на войну! - говорил дворовый Митька с красивым тонким лицом и черными глазами.

- Сражаться нечем, руку с саблей потерял, - заметил Власка.

- Одной рукой бить будет, - шутили ребята.

Лодочку спустили в лужу, и поток еще быстрее понес ее, так как куколка-офицер прибавила тяжести. Кривясь и подпрыгивая неслась лодочка все скорее, и ребята уже не могли ее догнать. Сбежав с горы, поток воды лился под мост, потом все дальше, в ручей, из ручья в реку... Красный мундир и красные лоскутки едва были видны, потом пропали совсем... и прощай, лодочка, прощай, офицер!.. Куда унесло их, в большую ли реку, или кто-нибудь поймал лодочку с куклой, так и осталось навсегда неизвестно.

- Прощай, офицер! Вернись с войны! - шутили ребята, но все грустно и тихо пошли вверх на гору, в свою деревню.

- Бай, бай, - слышался тонкий голосок из избы хромой Агафьи, и вслед за тем раздался крик новорожденного ребенка. Ребята прислушивались с удивлением и остановились у окна, вглядываясь в окна.

- Ишь ты, откуда это ребенок тут взялся? - сказал один из старших мальчиков, дворовый Митька, и вошел в избу.

- Машка, а Машка, - окликнул он маленькую 6-летнюю девочку. - Ты что там делаешь?

Куколку качаю, спать кладу, - отвечала девочка, показывая скелетца, одетого в чепчик, рубашечку и фуфайку, как маленький ребенок.

- А чтой-то у вас ребенок кричит?

- У мамушки в ночь девочка родилась... Мамушка свою, а я свою девку качаю, - прибавила девочка, завертывая куколку в тряпки.

- Бай, бай... - запела опять девочка Маша, качая куколку и влезая с ней на лавку.

- О-ох, чего избу студите, — заворчала больная Агафья.

- У хромой Агафьи девка родилась! - торжественно объявил Митька, выходя из избы и объявляя новость ребятам.

Стало темнеть, усталые ребята разошлись по избам; по улице деревни проехали с колокольчиками чьи-то парные сани. Еще поздней, поужинав, стали везде тушить огни, и только кое-где, там, где были больные или грудные младенцы, тускло светились еще огоньки сквозь замерзшие к ночи окна.

На шестой неделе поста собралась бедная вдова Ивановна с огорченной матерью Акули и с сыном Мишкой на богомолье во Мценск, где, как рассказывали ей, есть икона Николая Чудотворца, которая будто приплыла в город Мценск по реке на камни. Дома она оставила бабушку Наталью, поручив ей посмотреть за ее другими двумя детьми и за коровой.

Собрали бабы свои котомки, насушили сухарей черных, взяли немного медных денег и отправились рано утром под Вербную субботу в путь.

Дороги еще не просохли, утренники были свежие, но солнце светило так весело; прилетевшие птицы пели и возились в кустах, отыскивая удобные местечки, чтобы вить свои гнезда.

Когда Ивановна вышла с Акулиной матерью Марфой из избы и, перекрестившись, прошла несколько шагов, сын ее Мишка вдруг вернулся в избу и, поискав что-то, запрятал вещь за пазуху.

- Ты что это ворочался, Мишка? - спросила мать. - Или забыл что?

- Ничаво... - коротко ответил Мишка, ощупывая за пазухой свою любимую куколку, одетую царем.

И вот идут Ивановна, Марфа и Мишка день, другой. По деревням им подадут иногда кто хлебца, кто копеечку, кто еще что-нибудь. Устанут они с Мишкой, лягут где-нибудь в избушке и спят себе так сладко без забот и без горя. Идут молиться, ну и легко на душе. Когда Мишка заскучает, он достанет куколку-царя и играет с ним: посадит верхом на палочку, и царь будто едет верхом. А то посадит его рядышком с собой и угощает хлебом, сухарем или еще чем.

Побывали богомолки с Мишкой в городе Мценске; были в великолепном большом соборе, приложились к иконе св. Николая чудотворца, поставили перед ним две тоненькие восковые свечи, вынули у обедни за здравие просвирку. Какая-то богомолка взялась указать им камень, на котором по реке приплыла будто икона св. Николая чудотворца. Сходили и туда, посмотрели камень и, переночевав где-то в сарае постоялого двора, стали собираться домой.

Мишка никогда не бывал в городе, и очень всему удивлялся: и лавкам, в которых продавались всякие хорошие вещи и кушанья; и извозчикам на пролетках; и церквам, и нарядным людям. Но ноги у него болели, лапти растрепались, и ему захотелось домой.

И вот идут они опять большой дорогой с матерью и Марфой в обратный путь. Сухари и хлеб поели, денег не осталось ничего.

Марфа с ними простилась и сказала, что зайдет к сестре в деревню по пути.

- Как-то мы с тобой, сынок, домой доберемся, - говорила вздыхая Ивановна, глядя на уставшего Мишку.

Мишка был голоден и мрачен. Ноги болели; с утра он съел небольшой кусочек хлеба, и оставалось его вовсе маленький ломоть.

Пришли они к ночи в деревню. Ивановна робко попросилась ночевать в крайнюю избу. Ее пустили.

- А уж хлебушка не прогневайся, у самих мало, весь подобрался к весне, - сказала хозяйка, убирая со стола. - Небось у вас есть с собой.

Ивановна промолчала и, подав Мишке остальной ломотик, хотела лечь спать. Но Мишка отломил половину и дал матери.

- Ох, родимый ты мой, сам голоден, а с матерью делится.

Ивановна перекрестилась и стала жевать хлеб сухими устами. Потом она встала, спросила, где вода, выпила кружку, подала сыну и легла на лавку, зевая и крестя свой рот.

Рассвело. Петухи перекликались по всей деревне; народ шел с ведрами под гору к колодцу за водой. Ивановна встала, разбудила Мишку и стала собираться в путь. До дому оставалось еще верст 25, и ни денег, ни хлеба больше у них не было.

Поблагодарив хозяйку за ночлег, и так, не евши, побрели домой. Жаль было Ивановне своего сына, да и Мишка скучал, когда глядел на утомившуюся, голодную мать.

Шли, шли, устали и сели у моста на большой дороге. Мишка разулся, достал свою куколку-царя и посадил рядом с собой.

Зазвенели бубенцы и колокольчики, подъехал барский экипаж. Черная маленькая собачка, с хорошеньким ошейником залаяла на Ивановну и Мишку, но, увидав куклу, удивленно посмотрела и понюхала ее.

- Подайте, господа милостивые, - решила попросить Ивановна сидящего в коляске барина.

- Чего нищенствуете! - с досадой сказал барин, проезжая шагом по мосту, и ничего не дал Ивановне.

- Папа, стой, - вдруг крикнул из коляски хорошенький, нарядный мальчик в синем матросском костюме, внимание которого обратила на себя собачка, понюхавшая куклу. - Я хочу посмотреть, какую куклу нюхал Джек. Посмотри, папа, она сидит рядом с мальчиком.

- Ну, вот еще, где ты увидел куклу? Некогда стоять.

Но мальчик в матросском костюме уже рвался из коляски и хотел спрыгнуть. Кучер остановил лошадей, и нарядный мальчик подошел к Мишке.

- Откуда у тебя царь? - спросил он.

- Господа наши на елке мне подарили.

- Ну покажи, дай мне в руки.

- Виктор, что же ты, иди скорей, - кричал отец нарядному мальчику из коляски.

- Сейчас, папа! Какой хороший царь, - любовался мальчик, разглядывая куколку. - Продай мне за десять копеек. У меня только и есть один гривенник.

Мишке ужасно жаль было куколки; он взял ее от мальчика в матросской куртке и спрятал за спиной.

- Витя! - кричал отец.

- Сейчас, сейчас, - волновался Витя. - Ну, миленький, продай, вот тебе в придачу пряник и карамельки. Пожалуйста! - сказал Витя, роясь в своей сумочке.

- О-ох, - стонала Ивановна.

Мишка взглянул на мать, вспомнил, что они оба ничего еще сегодня не ели, и вдруг протянул своего любимца скелетика - царя нарядному Вите и отдал ему его.

- Ну, бери, давай деньги и пряник, - сказал он. Мальчик Витя отдал деньги, пряник и карамельки, взял куколку и скорым шагом побежал к коляске.

Бубенцы и колокольчики опять зазвенели, коляска разом, быстро поднялась в гору и скрылась, а Мишка, обув растрепавшиеся лапти, грустно побрел с Ивановной до следующей деревни. Тут они купили хлеба, поели, и к вечеру дошли бодрые домой. Пряник и карамельки Мишка разделил своим двум братьям, которые были в восторге от гостинцев.

- Ну, слава Богу, помолились, сходили к Николаю Чудотворцу, и дома все, благодарю Бога, хорошо, - говорила Ивановна бабке Наталье, и началась опять ее одинокая, трудовая жизнь.

Наступила настоящая, веселая весна. Уж ребята и девочки не играют больше в куклы и даже забыли про них. Начались сельские работы, надо помогать отцам и матерям; так чередом и пойдут летние работы: пахота, посев, покос, стеречь лошадей в ночном, загонять скотину, убирать и возить хлеб, копать картофель, молотить, и проч. и проч.

Кому летом веселье, а народу деревенскому - самый труд.

БАБУШКИН КЛАД

Предание

I.

В 1812 году была война русских с французами. Французы пришли в Россию, дошли до самой Москвы и начали жечь и опустошать ее. Многие жители выезжали целыми семьями и увозили свое добро; некоторые же почему-либо не могли выехать, и, чтобы богатства их не достались французам, зарывали деньги и дорогие вещи в землю.

В селе Елисаветине, недалеко от Москвы, жила в то время богатая барыня, Елисавета Федоровна Глебова. У ней было много денег, золота, серебряной посуды, дорогих вещей и драгоценных камней.

Когда до нее дошли слухи, что французы уже в Москве, она испугалась и собралась выехать из своего имения и увезти свои сокровища. Но она заболела от испуга; долго пролежала в постели, и, когда ей стало лучше, - ехать старушке было опасно. По всем дорогам и лесам кругом Москвы бродили голодные и оборванные французы, нападали и грабили, кого могли.

Елисавета Федоровна думала было остаться в Елисаветине и спрятать свои богатства; но все пугали, что французы убьют ее, и она решила зарыть в землю сундук с сокровищами и уехать в свою рязанскую деревню.

Была темная холодная ночь. Елисавета Федоровна тихо встала с постели и позвала верную старушку Марьюшку, с детства служившую ей.

Марьюшка испугалась, думала, что барыня заболела, или пришли французы; прибежала торопливо и спросила, что угодно Елисавете Федоровне.

- Вот что, Марьюшка, запири-ка на ключ дверь и давай поскорее укладываться.

Старушка-барыня отперла все шкафы и комоды, велела выдвинуть на середину комнаты большой сундук и принялась вместе с Марьюшкой вынимать отовсюду деньги, золотые, серебряные и драгоценные вещи. Все это они уложили в сундук, барыня заперла его большим висячим замком, повернула два раза ключ, который громко щелкнул в тишине.

Потом Елисавета Федоровна приказала Марьюшке распорядиться, чтобы поскорее заложили телегу и подъехали на ней к заднему крыльцу.

- Мы сундук зароем, Марьюшка, - сказала она, — прикажи захватить фонарь и лопаты.

Марьюшка разбудила кучера Никиту и дворника Петра, - это были ее сыновья, - и передала им приказание барыни.

- Смотрите, ребята, потише, чтобы никто в дворне не слышал и не знал про то, что мы будем делать.

- А что делать-то? - спросил Никита.

- Что барыня прикажет, - сказала Марьюшка, уходя. Никита и Петр стали закладывать лошадь. Была оттепель, с неба падал не то снег, не то дождь.

Кучер и дворник возились около конюшни, грязь прилипала на их тяжелые сапоги, все было мокро, скользило из рук; ничего не спорилось, кругом налегла темень, хоть глаз выколи. Вблизи едва обрисовывались голые сучья деревьев большого сада.

Наконец, все было готово. Телега тихо подъехала к крыльцу барского дома, и удивленные Никита и Петр ждали приказаний. Марьюшка доложила барыне, старушка надела теплые сапоги и салоп, и вдруг стало ей жутко.

Всю жизнь покойно прожила она в своем тихом, милом Елисаветине, а теперь вот какая тревога! Она набожно перекрестилась на единственный, оставленный ею в киоте образ, перед которым еще теплилась лампада, и тихими шагами вошла в комнату своего единственного, горячо любимого внука Феде, который спал крепким сном.

Феде было десять лет. Он остался сиротой без отца и матери, и бабушка воспитывала его. Близкой родни у них не было, и жили они вдвоем дружно и счастливо.

- Федя! Вставай, голубчик! - будила бабушка внука, Федя спросонья пролепетал что-то, повернулся к стене лицом и опять заснул.

- Ах, Боже мой! Федюша, вставай, дело нужное... Федя! для тебя хлопочу, ты большой мальчик, проснись, помоги бабушке, - умоляла старушка, волнуясь и чуть не плача.

Федя растерянно вскочил, протер глаза, взъерошенные волосы его беспорядочно торчали, он молча сидел, опустив ноги с кровати, ничего не понимая, глядя бессмысленно перед собою. Наконец, он очнулся.

- Что, бабушка, что?!.. французы?!..

- Нет, Федя, не французы, слава Богу!.. Но они могут придти... от них нужно поскорее уезжать, и чтобы им ничего не досталось, я хочу все наши богатства зарыть в землю. Все готово, сейчас пойдем, спрячем сундук в лесу. Эх, Федюшка, я уж стара, мне ничего не нужно, все это для тебя.

Ты иди с нами, посмотри, где мы зароем наш клад, и когда будешь большой и тебе понадобятся деньги и богатства, ты их найдешь.

Феде тяжело было подниматься ночью, он дрожал, ему хотелось спать, но ему было приятно, что бабушка говорит с ним, как с большим, и что у него в земле будет клад. Он поспешно натянул сапожки, надел полушубочек, шапку, и вышел с бабушкой и Марьюшкой на крыльцо.

Никогда еще Федя не вставал так рано. Только в прошлом году брала его бабушка к заутрене в Светлое Христово Воскресение. И тогда было темно, как теперь, и тоже хотелось спать, но тогда была теплая весенняя ночь, вдали раздавался торжественный благовест колокола, и народ, веселый и нарядный, спешил в церковь. Тогда было так радостно, а теперь так страшно, холодно и сыро.

Никита и Петр, по приказанию барыни, вынесли тяжелый сундук и поставили на телегу. Кругом тихо, только слышно, как часы пробили на колокольни и как сторож бил в чугунную доску.

Петр тронул вожжой, Никита одной рукой поддерживал сундук, в другой держал фонарь; лошадь вытянулась и, тяжело дыша, пошла по грязной дороге. Марьюшка, вела барыню под руку; Федя робко ухватился холодной рукой за салоп бабушки; все двинулись и исчезли в ночном мраке.

Пришлось спускаться с крутой горы. Люди и лошадь скользили; сундук был тяжелый, накренивал телегу на бок, Никита насилу держал его; бабушка, охая, едва переступала, Федя дрожал от страха. Наконец, спустились с горы, и ровная дорога пошла прямо вдоль речки.

- Налево, налево! - кричала запыхавшаяся бабушка.

Петр дернул вожжой, и телега, круто повернув налево, скрипнула и въехала в старый дубовый лес.

- Стой! - распорядилась Елисавета Федоровна.

Она велела зажечь еще фонарь, осмотрелась кругом и, указав на место, где на самой опушке леса рос огромный вековой дуб, быстро проговорила:

- Ройте тут яму... живей!

Никита и Петр принялись за работу. Копать было очень трудно. Корни перепутались в сырой земле, липкая, глинистая грязь приставала к лопатам.

Федя с ужасом смотрел на более и более углубляющуюся черную яму, и ему вдруг показалось, что это роют могилу для него и для его бабушки. В это время, встревоженный огнем ворон резко и жалобно прокричал над головами стоявших у взрытой земли.

- Эх, не к добру, - сказал Петр, глубоко вздохнул.

- С нами крестная сила, - проговорила Марьюшка, крестясь.

Бабушка сидела на сундуке и охала. Марьюшка нежно прикрывала ее теплым платком и приговаривала:

- Матушка моя, простудитесь, пожалуйста домой, без вас уберем.

Но бабушка сидела час, два и молча ждала, когда яма будет вырыта. Работа окончена, и Елисавета Федоровна потрогала огромный замок, потянула его вперед, и, всунув ключ, еще раз отперла и заперла его. Странно прозвенел замок в этой лесной глуши, Федя вздрогнул.

Уверившись, что сундук заперт хорошо, Елизавета Федоровна приказала опускать его в землю.

Никита и Петр с трудом подняли кованый железом и набитый богатствами тяжелый сундук, и на веревках опустили его в яму. Потом они взяли лопаты и стали засыпать землей.

- Что это?! - вдруг вскрикнули все с ужасом. В ночной тишине послышался лошадиный топот, вдали мелькали экипажи, минутами долетали людские голоса. Чуть слышно было, как летали, шумели и возились у барского дома.

- Что это? Французы? Боже мой! Скорей, скорей! - спешила Елизавета Федоровна.

Никита и Петр, накидав еще земли, хворосту и моху, заровняли яму и стали укладывать в телегу лопаты и веревки.

Все собрались домой, Федя сел с Петром в пустую телегу, а бабушку повели под руки Никита с Марьюшкой. Чем ближе подвигались они к дому, тем слышнее становились голоса и возня на барском дворе.

- Боже мой! что ж это такое? - вздыхая повторяла Марьюшка.

Когда добрались до дому, все стали прислушиваться. Говор был русский, стало быть - не французы. У всех отлегло от сердца. Когда подошли они еще ближе, то можно было разглядеть, что у подъезда господского дома стояла большая карета, запряженная шестериком, и навстречу к Елизавете Федоровне выбежал не француз, а старый друг ее, полковник, которого окружали русские солдаты.

- Где вы пропадали, матушка, Елизавета Федоровна, мы вас ищем уже два часа, - сказал полковник. - Я узнал в Москве, что вы в имении, и приехал за вами. Времени терять нельзя ни минуты; голодные и холодные французы близко бродят, они грабят, убивают народ, и вам оставаться тут невозможно, слишком опасно. Идем сейчас, Елизавета Федоровна, все готово! Живей, Марьюшка, собирайся.

- Батюшка ты мой! Не забыл старую! Марьюшка, скорей! Ах, Господи!.. Никита, Петр, укладывайтесь, выезжайте все завтра же в нашу рязанскую деревню. Федя, ты где?!.. Ружья, топоры возьмите!.. Убьют, батюшки, убьют!.. - суетилась бабушка.

Она совсем растерялась, но сколько ни спрашивал ее полковник, где она была ночью, старушка ничего не сказала и лишь только приговаривала: «После скажу, мой родной, после...»

Наскоро собрали кое-какие вещи и провизии на дорогу, полковник усадил бабушку в карету, рядом с ней уселся усталый и испуганный Федя, напротив поместилась Марьюшка, потом забрался к ним полковник, и карета тронулась, окруженная конными солдатами, и покатила по грязной большой дороге, вдоль леса.

Через несколько часов, к утру, целая толпа кое-как вооруженных, оборванных и голодных французских солдат ворвалась в богатый помещичий дом в Елисаветине и разграбила его. Люди едва спаслись от смерти; некоторые успели уехать, другие спрятались в лесу. Дом был всеми брошен, и долго, долго после никто уже не жил в нем.

Прошло несколько лет. Война кончилась, французы помирились с русскими, Москву отстроили лучше прежнего, и жители начали опять съезжаться и селиться в новых домах.

Один елисаветинский дом стоял среди усадьбы угрюмый и пустой, дожидаясь своего хозяина.

Елисавета Федоровна, вскоре после своего отъезда из любимого Елисаветина, захворала и умерла. Она простудилась в ту самую ночь, как зарывала с внуком Федей клад. Испуг ее и спешный отъезд ночью тоже подорвали ее слабое здоровье, и только что она приехала в свое рязанское имение, как заболела и слегла в постель.

Часто Федя, который спал в комнате рядом с бабушкой, слышал по ночам, как она стонала, кашляла и молилась: «Господи, помилуй меня, грешную!.. Господи, не оставь сиротку моего, Федю!»

И ему грустно и жутко становилось, хотелось плакать, и думал он: «зачем бабушка ночью зарывала сундук - и вот простудилась! Кому нужен этот сундук? А бабушка может умереть, - бабушка мне так нужна, я не могу жить без нее, я люблю ее!..» И Федя прятал личико в подушку, и плакал, плакал до тех пор, пока уставал, и сон смежал его распухшие от слез глаза.

Бабушке день ото дня становилось хуже, - смерть была близка; старушка позвала к себе Федю и тихо, прерывисто заговорила:

- Федя, плоха я стала. Богу угодно, видно, меня взять от тебя... скоро ты останешься один ... не плачь, дружок ... Слушай меня, запомни мою последнюю волю... - Бабушка закашлялась и помолчала. - Ты помнишь, Федя, - продолжала она, - мы зарыли с тобой клад... Так вот,

дружок мой, я прошу тебя, не отрывай клада до тех пор, пока он тебе не понадобится на какое-нибудь доброе дело.

Бабушка опять помолчала, Федя смотрел на её исхудалое лицо, и слезы текли из глаз его.

- Федюшка, помни: если ты выроешь клад из жадности, чтобы иметь более богатства, не будет тебе от него счастья... Прощай, голубчик, да благословит тебя Господь на все доброе, помни бабушкины слова...

Она достала из-под подушки образок и благословила Федю.

Федя ничего не мог говорить, он рыдал, целовал бабушку; его увели; к вечеру бабушка тихо скончалась.

Федя остался один на свете. Какой-то дальний его родственник, опекун Феди, приехал за ним, взял его и отвез учиться в Москву, в дворянский пансион. Федя рос одиноким мальчиком, некому было любить и ласкать его, и даже на праздники некуда было ему ездить.

Прошло еще несколько лет, Федя вырос. Он кончил свое ученье и поехал жить в Елисаветино, где жил в детстве с бабушкой. Теперь он был здесь полным хозяином. Дом пришлось отделывать, чистить; дорожки в саду и парке заросли травой, службы обветшали, все надо было приводить в порядок. Федя начал заниматься хозяйством и скоро очень разбогател. Он ни разу не подумал о кладе, зарытом в земле. Он не любил и вспоминать о том сундуке, от которого погибла его любимая бабушка. Иногда, гуляя, он подходил к старому, разросшемуся во все стороны, широкому дубу, под которым зарыт был клад, вспоминал ту ночь, когда они зарывали сундук и как потом скоро уехали; вспоминал он слова умиравшей бабушки, и ему делалось страшно, он вздрагивал и поскорее уходил домой.

Никто, кроме Феди и старика Никиты, не знал, где зарыт был клад. Марьюшка, горничная бабушки, прожила недолго после своей барыни. Петр был взят в солдаты и пропал без вести. Старик Никита был теперь караульщиком и летом сидел в саду, в гроте, недалеко от зарытого клада, и пускал фонтаны, когда приезжали господа из города гулять по чудесному елисаветинскому парку. Бывало, дети сунут в руку дедушке Никите монетку и просят его пустить им фонтаны. Никита встанет, подойдет к речке, отвернет там какой-то кран, и вот из открытой пасти крылатого мраморного дракона поднимается кверху высокая тонкая струйка воды и белой пеной брызжет в большой круглый мраморный бассейн. А то подальше был еще фонтан - рыба, вся посеребренная, и из рыбьей пасти шумно лилась большим потоком вода и, падая, осыпала брызгами визжавших от радости детей. Потом дедушка Никита опять шел к речке, наклонялся над чем-то, точно колдовал, завертывал краны, и вода переставала бить из

фонтанов; наступала тишина, и старичок усталыми шагами уходил снова в свой темный прохладный грот, садился или ложился на лавку и дремал.

Лежит он так, бывало, часто вспоминает о зарытом кладе и думает: «вот богатство попусту в земле пропадает, а мы-то как бедны стали, и коровы нет, и лошаденка плоха, разуты, раздеты все, беда! Хлеба до Рождества не хватит, жалованье маленькое, что тут поделаешь! Достать бы так горсточку маленькую монеток, а там опять зарыть сундук, засыпать - и концы в воду». И вспомнил Никита, что старики говорили: «Кто клад в земле найдет, тот в тот же год и помрет».

Никите умирать не хочется, он перекрестится, отгонит дурные мысли и тихо скажет: «Спаси, Господи, но нужно нам чужого добра, и без него, Бог поможет, проживем». Так и успокоится.

Но за последнее время чаще и чаще приходила Никите мысль о том, как хорошо бы разрыть землю, открыть потихонечку сундук ломом, достать немножко денег и опять его закрыть и зарыть. Мысль эта и по ночам не давала Никите покоя и прогоняла сон; днем он, сидя один в темном каменном гроте, поминутно видел перед собой большой сундук, набитый богатствами. Несколько раз подходил он к старому дубу, который точно сторож караулил строго бабушкин клад, и опять уходил, крестясь и повторяя: «Грех-то, соблазн-то какой, помилуй Бог!..»

Так прошло лето. Опять наступила осень, и господа с детьми перестали ездить в Елисаветино. Никита перестал сидеть у фонтанов и караулил по ночам барский дом. Давно уже Никита был караульщиком. Он был смелый старик, ничего не боялся, и всю ночь, бывало, слышно, как он ходит и стучит в звонкую чугунную доску. Но теперь Никита вдруг переменялся. С тех пор, как ему пришла мысль разрыть клад, на него напал страх. Он, как и всегда, обходил вокруг дома, конюшен, сараев, людских и других построек; но теперь стало ему представляться, что со всех сторон кто-то наступает на него, хватает его, ловит. А то ему казалось, что кто-то бежит к дубу и манит его за собой и кивает ему. Никита спешил тогда к дому, где были люди, садился на лавку и долго, долго не мог собраться опять на караул.

Была точно такая же осенняя ночь как та, когда давно, давно Никита и Петр с барыней зарывали клад. Никита поужинал, надел кафтан, подпоясался, перекрестился на образ, висевший в углу избы, и собрался на караул. Моросил не то дождь, не то снег, выл ветер и рвал крыши с домов. Было очень темно, хотя луна минутами чуть-чуть и выплывала из застилавших ее туч.

Весь этот день с утра Никита был сам не свой: он сегодня решил, что пойдет ночью вырывать клад и достанет денег из сундука. Он так твердо решил это, что, не задумываясь, с заступом в руках пошел прямо к дубу. Старик шел бодро, точно на хорошее дело, и даже

робость его прошла, так он подбодрил себя. Он подошел к дубу, огляделся, зажег спичку, всмотрелся в тот бугорок, под которым зарыт был сундук, и начал твердой рукой копать землю, откидывая ее в одну сторону.

Долго и степенно рыл Никита, как вдруг заступ звонко ударился о что-то железное. Никита вздрогнул, но продолжал рыть землю.

- Не может быть, что это сундук, мы зарыли его глубже, - проговорил Никита.

Он осторожно опустил заступ и снова ударил о что-то. Он начал рыться в земле руками, желая узнать, что бы это могло быть, и, взяв что-то железное, вытащил наружу. Это был замок от сундука, оторвавшийся с пробоями. Замок зацепился за корень дуба, оторвался и остался наверху, а сундук своею тяжестью осадил землю и пошел ниже.

Только что Никита достал замок, ему вспомнилась вдруг покойница, старая барыня, как она запирала этим самым замком сундук, как он ее с тех пор не видал, и ему стало страшно. Он опять зажег спичку; испуганная на дереве сова взмахнула крыльями и пронзительно закричала над самой головой Никиты. Дождь перестал идти, и вдруг на минуту из-за туч выглянула луна и осветила старый дуб с его корявыми сучьями. Никита разом почувствовал, что вся храбрость его пропала. Он стал всматриваться беспокойно в дуб, на котором сидела испуганная сова, и показалось ему, что из-за сучьев, покрытых еще кое-где засохшим бурым листом, протягивала ему руку старая барыня и подавала ключ от замка.

Никита вскрикнул на весь лес; старческий хриплый голос его страшно прозвучал в ночной тишине, раздался эхом и еще более испугал его. Несчастный старик держа в одной руке заступ, в другой замок, побежал, скользя и падая, к людской избе. Добежав до двери, он сильным ударом отворил ее и вбежал, как сумасшедший, испугав уже собравшихся на ночлег людей.

- Дедушка Никита, что с тобой? Разбойники на тебя напали что ль? - спросил кучер.

- Барыня! барыня! ключ у ней возьмите! - сам не свой говорил Никита.

- Христос с тобой, дедушка!.. Это нечистый ему почудился, - говорила кухарка.

- Он нездоров, ей-Богу! Ложись, дедушка, я за тебя пойду караулить, - отозвался с печи молодой работник.

Никита ничего больше не говорил, он швырнул в угол заступ и замок и лег на лавку, закрывшись с головой.

- И откуда это он такой замок приволок? Большущий! - говорила кухарка, подняв замок и разглядывая его. - Надо приказчику показать.

Никита бредил всю ночь. У него сделался жар. То мерещилась ему барыня с ключом, то он молился и просил Бога простить его грехи, то покупал каких-то коров и лошадей. У него сделалась горячка, и он долго прохворал.

Когда дедушка Никита оправился от болезни, то собрался на богомолье и ушел странствовать. Домой он больше не возвращался, и так никто никогда и не узнал, почему дедушка Никита захворал и почему так неожиданно, выпросившись у господ на богомолье, остался навсегда жить в монастыре.

III

Весной приехал Федя в Елисаветино, и ему сказали, что дед Никита ушел и что в ту ночь, как ему заболеть, он принес какой-то замок, который и показали Феде. Федя узнал замок и понял, что хотел сделать Никита, и как страшно он за то пострадал. Теперь один только Федя знал, где находится клад. И Федя ни за что не сказал бы никому, где зарыт клад, потому что он боялся, что кто-нибудь, как Никита, захочет его украсть.

Федя с детских лет был сердечным мальчиком, любил делать добро, ничего не ждал. Когда он стал вырастать и остался на свете одиноким, сердце его стало не чувствительно; некому было любить его, не пришлось и ему отвечать кому-нибудь любовью. Сначала в дворянском пансионе, где он воспитывался, он очень привязался к одному бедному и слабому мальчику. С ним он делился всем, что у него было. Но мальчика этого взяли из пансиона, и Федя почувствовал себя опять совершенно одиноким. Когда Федя вырос, он стал скупой, перестал делать добро, перестал помогать бедным и старался больше и больше накопить себе денег. Однако он все-таки не решался вырыть бабушкин клад и помнил её слова: «до тех пор не вырывай из земли клад, пока не понадобятся деньги на доброе дело».

Феде казалось, что такое доброе дело никогда не представится, и вот начал он раздумывать: «Зачем так глупо пропадают деньги в земле? Лучше их взять и получать на них проценты, я еще побогатею. Да и не заперт сундук, замок оторвался, надо его хоть запереть...»

Думал, думал так Федя и решил вырыть сундук. Купил он себе в Москве новую большую железную лопату, и отправился раз ночью к тому месту, где был зарыт сундук. Земля, отброшенная еще Никитой, так и лежала бугром в сторон.

Федя не хотел брать сундук в дом. Он думал, не вынимая его из земли, перенести из него ночами понемногу все богатства. Он принялся копать, но потрудившись недолго, Федя так устал, что бросил и ушел домой.

На следующую ночь он опять не мог спать, так его и тянуло к дубу. Он взял замок, вложил в него ключ, который берег всегда у себя, запер, опять отпер замок, вынул ключ и положил в карман. Крадучись, тихонько пошел Федя на недоброе дело и снова принялся за работу. Дело непривычное, он скоро утомился, ноги и руки ломило сильнее вчерашнего, но он рыл и рыл. Вдруг чувствует он, что его точно подкосило, ноги его вдруг отнялись, он зашатался и упал.

Ноги стали как мертвые, он не чувствует их и не может сдвинуться с места. Федя испугался, но тотчас же подумал, что у него много денег, и доктора, а то и заграничная поездка вылечат его; а главное ему не хотелось, чтобы его нашли тут, у клада, и, взяв под мышки заступ, он пополз на руках, с трудом таща свои больные ноги, прочь от дуба и старался выбраться на дорогу.

Долго тащился он по лесу, сквозь кусты и деревья, отдыхал, ложился и опять полз, полз, чтобы добраться до дороги. Наконец, он дополз и лег, терпеливо ожидая утра.

Часов в пять утра проехал водовоз с бочкой. Федя окликнул его. Водовоз сначала испугался, потом удивился, как попал барин ночью на дорогу.

Федя начал выдумывать, что бы ему сказать, но путался в словах и, наконец, сказал, что ему не спалось, что он пораньше утром хотел выкопать и пересадить из лесу в сад молодые дубки, но вот случилось с ним это горе; отнялись ноги, и он не может идти.

Федю привезли домой и положили в постель. Начали лечить доктора, но как ни лечили Федю, ничего не помогло. Он ходить больше не мог, и его катали в кресле. Горько показалось Феде, еще такому молодому, быть убогим и беспомощным. Стал он сильно скучать, перестал заниматься делами. Именья его пришли в упадок, дела расстроились, и он обеднел. Но клад он уже боялся трогать и не любил даже вспоминать о нем. Наконец, все было прожито, осталось одно Елисаветино, маленькое подмосковное имение, где и жил Федя.

Было лето, рабочая пора. Весь народ, чуть только занималась заря, уходил в поле на работы, а ночью мужики и ребята стерегли в ночном лошадей, бабы, усталые, засыпали лишь только до зари, с зарей они снова начинали работы.

Раз в праздник ночью, часу во втором, разбудили Федю страшные крики: «Горим, пожар!» Через несколько минут ударили в набат, и вместе со звоном колокола послышались отчаянные вопли баб и детей. Федя хотел вскочить, но ноги не двигались, и он упал на кровать. Он видел сквозь опущенную стору окна красное зарево пожара и стал громко звать человека. Человек, ходивший за ним, проснулся, но, увидав в окно зарево пожара, бросил своего барина и побежал в село помогать родным выгонять скотину и выносить имущество.

Феде страшно стало одному; село было тут же, вблизи его усадьбы: ну, как и его дом загорится, а он ни встать, ни выйти не может и сгорит, сгорит наверное один, без помощи.

Он стал молиться Богу.

Вдруг слышит он, что-то сильно ударило в крышу его дома, отскочило и куда-то упало.

Это упала огненная головешка; ее принесло с села сильным ветром, и она зажгла господский дом. Федя стал прислушиваться. От села долетали страшные крики, и треск падавших крыш и разрушающихся изб был ужасен.

В первый раз с давних пор почувствовал Федя горе за чужое несчастье, и ему жалко стало людей. «Бедные! что будут они теперь делать. Все у них сгорит, где и как будут жить старики, старухи, какой была и моя бабушка...»

Вдруг из соседней комнаты стал проходить к нему дым, потом послышался треск, и пламя осветило всю соседнюю комнату.

«Боже мой! и я горю! - подумал Федя. - Я не могу убежать, и я сгорю в страшных мучениях!»

Федя попытался встать, но не мог. В отчаянии он опустил голову на подушку, закрыл глаза и стал молиться. «Да будет воля Твоя!» повторял он. Вспоминал он свои грехи, вспоминал, как мало он сделал добра, и ему страшно стало умереть. Молясь, обещал он Богу, что если он будет спасен, то всю жизнь свою посвятит на добро.

А между тем в комнате делалось душно от дыма и жарко от огня. Где-то сбоку начинало что-то трещать... И в то же время кто-то сильным ударом кулака разбил окно, рама разлетелась, и человек Феде вскочил в комнату. Он схватил сильными руками Федю, поднял его с кровати и в одну минуту вынес в сад и посадил в катающееся кресло, оставленное с вечера в беседке:

- Иван, это ты? Спасибо, голубчик, ты спас меня от смерти. Ты один меня вспомнил... А там, там у вас все ли выскочили? Детей, стариков повытаскали ли? Ах, Боже мой, Боже мой, какое несчастье!

- Бог милостив. Все налицо. А я как глянул, - барский дом-то горит! Бросил все, побежал, сгорит, думаю, наш барин.

- Ну как же теперь, небось все твое добро и сгорело.

- Что делать! Божья воля. Бог дал, Бог и взял. Дело нажитое.

Барина свезли в уцелевшую от пожара людскую избу и там и положили. Сгорела вся почти деревня и весь барский дом. Спасли очень мало.

На другой день Федя попросил вывезти его в кресле на пожарище. Еще ничего не успели прибрать. Сундуки, кадучки, колеса, чашки, самовары, тряпье, лавки, столы - все валялось на улице. Бабы выли, малые ребята кричали на непривычных им местах. Привязанные к телегам коровы мычали, бегали растерянные куры. Мужики растаскивали баграми и заливали догоравшие бревна; Некоторые сгоревшие избы, с торчавшими почерневшими трубами, еще дымились.

Федя взглянул на все это и горько заплакал. Он с детства знал всех этих мужиков, все росли вместе с ним. Вон Петька, с которым он раз в детстве пропал в лесу, теперь он мужик с бородой; у него дети, и вот он унылый ходит по обгорелой избе что-то ищет. А вот Тараска, - веселый был мальчик, черноглазый, бойкий, плясал, бывало, так смешно, что бабушка тряслась от смеха, а Федя радовался, что бабушка одобряла его друга. У Тараски тоже сгорел

дом, а он чахоточный и у него четверо детей, все маленькие. А вот пробежал дурачок Авдошка, усердно дует на что-то и очень удивлен; но лицо у него жалкое, и куда он теперь денется со старухой матерью?

«Как помочь? Как помочь?» думал Федя и вспомнил он слова бабушки: «Тогда вырой клад, когда понадобится на доброе дело».

Федя вдруг просиял, сердце забилося от радости. «Да, теперь я могу вырыть клад и отдать его этим несчастным, я могу помочь им и сделать доброе дело».

Федя подозвал старосту и еще несколько мужиков, знакомых ему, и сказал:

- Не горюйте, друзья, Бог пошлет нам помощь. Слушайте меня, берите лопаты, заступы, у кого что цело, и идите за мной, туда, куда я велю везти себя.

Мужики испугались, думали, что барин с горя и испуга сошел с ума. Но Федя улыбался доброй улыбкой и продолжал:

- Что же, братцы, я не шучу, я в своем уме, слава Богу. Везите меня, куда укажу, и идите за мной.

Мужики собрали, где могли, заступы и лопаты и пошли за барином, которого везли в кресле, куда он указывал.

Наконец, подъехали к старому дубу.

- Ройте, ребята, живей! На этом месте клад зарыт. Мы тут с покойницей бабушкой в 1812 году хоронили от французов клад, и теперь он нам, после пожара, всем пригодится!

Мужики усердно принялись за работу. Скоро застучали заступы о крышу сундука, и, наконец, стал виден и весь большой, окованный железом, красный, потускневший от времени бабушкин сундук. Замка на нем не было, он оторвался, когда еще Никита нашел его.

Федя велел открыть крышу. Мужики так и ахнули. В сундуке было богатств на несколько тысяч. Все разобрали, послали за телегой, наложили и повезли. Федя поручил все продать и отдал все деньги мужикам. Он забыл о себе и счастлив был, что мог помочь людям.

Но мужики прежде всего построили Феде дом и устроили его на прежнем месте, а потом уже отстроили свою деревню. Федя помнил свое обещание Богу, данное в ту ночь, как он готовился сгореть, и стал жить с людьми в дружбе, радуясь на свою жизнь и на то счастье, которое он внес в жизнь всех, кто его окружал.

ИСТОРИЯ ГРИВЕННИКА.

Сказка.

В Петербурге есть большой дом, который называется Монетный Двор. В этом доме делают деньги: серебряные и золотые. Каждый год их выпускают целыми мешками по всей России; и вот большие серебряные рубли, и маленькие пяточки, и гривенники, и золотые начинают переходить из рук в руки, из одного кошелька в другой.

Раз из большой кучи новеньких денег один гривенник (10 коп.) вышел такой светлый, блестящий, что весело было на него смотреть. Лежал он беленький и чистенький в большом мешке с другими, такими же гривенниками и думал: «Куда-то я попаду из мешка? Где буду жить? Что будут на меня покупать? Я такой маленький»

Слышит он раз - идет кто-то, гремит ключами. Подошел, отпер сундук, вытащил оттуда мешок и стал копать в нем руками. Вынул одну горсть денег, счел; потом другую, потом третью. В третьей горсти был тот самый светленький гривенничек.

Он поглядел на того человека, который его держал, и увидел седого старика с серьезным лицом и строгими глазами. Гривеннику не хотелось оставаться у этого старика, и он рад был, когда старик все эти деньги, и его самого, отдал какому-то чиновнику, доброму и бедному, который пришел получать деньги. Чиновник весело высыпал деньги в карман и пошел скорым шагом домой. Дорогой он зашел в писчебумажный магазин, долго рассматривал вещи и купил хорошенький кошелек с мудреным замочком. В кошелек он положил тот самый гривенник, который блестел больше всех, и пошел домой.

Когда он позвонил, в переднюю выскочило трое детей и двое из них закричали:

- Папа, Миша именинник, что ты ему подаришь? Старший, Миша, стоял тут же и с веселым, торжественным лицом ждал поздравления и подарка от отца. Отец поцеловал Мишу и подарил ему кошелек. Дети долго не могли угадать, как открывается мудреный замочек; наконец, открыли, и из кошелька упал на пол гривенник, покатился по полу прямо под ноги большой собаки, Спорта. Спорт удивился, понюхал монетку, понял, что съесть её нельзя, и отвернулся, а дети бросились поднимать гривенник.

- Теперь ты богатый, Миша, у тебя деньги есть, - сказала маленькая сестра Миши, Верочка.

- Что ты купишь?

- Я все куплю! - говорил Миша, у которого еще никогда не было денег, и он не знал им цены, а сегодня ему дарили уже 3-ю монету, - и санки, и лошадку, и карамельки, и апельсины, и все, все...

Миша был очень весел, побежал к няне показывать подарок и просил идти с ним сейчас же что-нибудь покупать. Но был большой мороз, окна так замерзли, что ничего не было видно на

улице; проезжавшие мимо окон сани визжали полозьями, люди так зябли, что почти бегом шли по улице. Мать не пустила Мишу покупать, а сказала, что пустит, когда будет теплее.

Миша огорчился, но делать нечего; он положил все деньги и гривенник в кошелек и запер его в стол. Пришли к нему гости, мальчики его лет; за завтраком был шоколад, а потом играли в разные игры и бегали по всему дому.

Вечером, когда все ушли, Миша устал и пришел к няне в детскую. Он сел на скамеечку и стал советоваться с няней, что бы ему купить на его деньги. Но няня не слушала Мишу; у неё в гостях была прачка, они пили чай и о чем-то грустно разговаривали. Миша стал прислушиваться. Спиридоновна рассказывала про своего сына, что у него теперь места нет, господу отпустили и уехали за границу. Живут они в тесной холодной комнатке; мальчишка его маленький все плачет от того, что ручки и ножки согреть не может, весь заоченел. Мать этого ребеночка ходила полы мыть за 20 коп., а мальчик все плакал без матери и голодал. Купила ему мать на гривенник баранок, размочила их и накормила мальчика. Другой гривенник сама проела. А теперь и полов мыть не может: занозила руку, рука вся горит и нарывает.

Завтра опять - есть будет нечего, и опять мальчишка будет весь день плакать. Няня взяла ножик, отрезала половину своей большой белой булки, положила четыре кусочка сахару и отдала Спиридоновне.

— Снеси мальчику, не прогневайся, чем богаты, тем и рады.

— Спасибо, нянюшка, милая, - сказала Спиридоновна, завернула хлеб и сахар в платочек и стала собираться домой.

Миша слушал, слушал разговоры няни с прачкой, посмотрел на них и ему стало скучно. Плачущий мальчик, с холодными ручками и ножками, мучил его. Он ушел спать и во сне все видел какого-то мальчика, который плакал и протягивал ему ручки.

На другое утро Миша проснулся рано, вскочил с постельки и побежал посмотреть в окно, какая погода. Только что он поднял штору, на него блеснул луч солнца. Погода была ясная, тихая, и няня сказала, что сегодня можно будет пойти купить что-нибудь на Мишины деньги.

После завтрака надели на Мишу шубку, шапку, башлык и теплые сапоги, и няня пошла с Мишей в игрушечную лавку. Проходя мимо знакомого извозчика, он ему объяснил:

- Никита, я вчера был именинник.

Он тоже объявил это и в игрушечной лавке и стал рассматривать, что бы ему купить. Мать прибавила ему еще немного денег и няня выбрала ему куколку Ваньку-Встаньку, дудочку, фарфоровую собачку, а на остальные деньги Миша купил два апельсина и дал разносчику свой светлый гривенничек. Денег больше не осталось; и вдруг Миша вспомнил вчерашний разговор Спиридоновны с няней и спросил ее: - Няня, а Спиридоновна купила своему мальчику баранок?

- Не знаю, Мишенька; небось у них и хлеба-то нет дома, не то что баранок.

Мише опять стало скучно. Когда он пришел домой, он отдал апельсины брату и сестре и не стал их есть. Игрушки он положил на стол и даже не развернул их.

Няня спросила его, отчего он не играет в новые игрушки.

- Не надо, убери их, няня, - сказал Миша и, спрятав свое личико в нянин фартук, принялся плакать, и ни за что никому не сказал, в чем его горе.

А разносчик, который продал Мише апельсины, положил светлый гривенник на свою грязную ладонь, потряс его, полюбовался, как он блестит на солнце, и бросил его в свой большой кожаный кошелек. Не понравилось гривеннику в этом кошельке: там было грязно, пахло табаком, селедкой и кожей, и было много модных денег, которые задавили совсем блестящего, чистенького гривенничка.

- Апельсины хорошие! - кричал разносчик, которого звали Игнат. - Апельсины, купите апельсины, - предлагал он прохожим, и быстро шел, скрипя сапогами по морозу. Он заглядывал в окна, подходил к саням и ужасно желал распродать сегодня же все апельсины, а завтра ехать в деревню, где у него были мать, жена и дети.

К вечеру желанье Игната исполнилось; все апельсины были проданы и Игнат стал собираться в деревню. Он сосчитал деньги, вынул серебряный гривенничек и положил в отдельную спичечную коробочку для своего маленького сына. Потом он достал из-под кровати сундучок, а на место его убрал лоток. В сундучке были купленные в разное время подарки. Старушке матери - теплый платок, жене - сарафан, теплую шапочку - сынишке, а дочке - серьги и фартучек. Кроме того, он вез и гостинцы: баранки и чай с сахаром. Весело было Игнату ехать домой, давно он не видал своей семьи. С вечера он помолился и лег спать.

Рано утром он вскочил с постели, обулся, надел полушубок и шапку, взял свой сундучок и поехал на станцию. Поезд уже стоял и свистел. Народу было пропасть; все спешили, толкались, таскали сундуки и мешки, а у кассы стояла длинная вереница людей, ожидая своей очереди взять билет.

Наконец все было сделано; Игнат протащил в вагон свой сундучок и, перекрестившись, сел на место.

Машина засвистела, запыхтела, раздался 3-й звонок, и вагоны двинулись. Проехали город, и открылись бесконечные снежные поля. Изредка мелькали деревни, лес, обозы по дорогам. Игнат любил деревню и, глядя в окно, на все радовался. В Москве жить он не любил, а жил потому, что дома была бедность, хотелось починить избушку и к лету купить лошадь. Уже два

года подряд уводили недобрые люди у Игната из ночного лошадей. И вот Игнат сначала нанялся дворником, а потом стал торговать апельсинами, и нажил денег.

К вечеру Игнат приехал на свою станицу. Было уже темно. Но все-таки, когда он вышел из душного вагона, ему показалось так просторно, весело, свежо. Он осмотрелся кругом и взглянул вверх: небо темно-синее, и много, много светлых звездочек.

- Слава тебе, Господи, приехал, - вздохнув, сказал Игнат и пошел искать на дворе станции, нет ли знакомых мужиков. Стояло трое саней, и Игнат узнал бурую лошадку дяди Власа, который скоро вышел со станции и сразу узнал Игната.

- Земляк! ты ли это? Здорово, дружок, или соскучился?..

- Здорово, дядя Влас. Уж так соскучился, беда! Не подвезешь ли меня, дядя, а то я из дому никого не вызывал, невзначай приеду.

- Садись, садись, довезу.

У дяди Власа лошадка была сытая, сани исправные; поставили сундучок, сели и поехали по гладкой проселочной дорожке, сначала полями, потом лесом, и наконец стала видна и родная деревня. На горку Игнат слезал, чтобы лошадке было легче, но сердце его билось и он скорей, скорей хотел добраться до дому. Вдруг бурая лошадка шарахнулась, и вдали мелькнуло что-то черное. Остановили лошадь и стали вглядываться.

- Волк! - вскрикнули оба мужика. Действительно это был большой старый волк. Он мягкими большими прыжками скакал по полю прямо на Власа и Игната, который быстро вскочил в сани. Дядя Влас ударил кнутом свою усталую Буренку, но она не могла долго скакать, а волк приближался, и делалось страшно. Мужики начали кричать, думая испугать волка. Но он ничего не боялся, и уже видны были его белые зубы и вся его фигура.

Влас ударил изо всех сил свою бедную лошадку, а Игнат сбросил навстречу волка свой сундучок. Лошадка поскакала, а волк остановился, с удивлением рассматривая сундучок, и когда понял, что ему это не нужно, он медленно направился к лесу.

Мужики вернулись и взяли сундучок, который отперся при падении, и кое-какие вещи выпали, пришлось их подбирать в темноте, зажигая спички.

Но вот приехали. Игнат выскочил первый из саней и сказал:

- Спасибо, дядя Влас, напугались мы с тобой.

- Не на чем, счастливо оставаться, - ответил Влас и поехал домой.

Игнат не сразу вошел. Он прежде посмотрел в окно, но оно замерзло. Тогда он тихонько отворил дверь и вошел в избу. Жена его сидела у стола и испугалась: кто бы мог так поздно вечером войти к ним.

- Игнат! - вдруг вскрикнула она и радостно бросилась здороваться с мужем. Старуха-мать заворочалась на печке и спросонок долго не могла понять, что случилось. Когда и она узнала сына, она хотела слезть с печи, но захохла и Игнат влез на лавку и поздоровался с матерью. Дети так и не проснулись. Зато утром много было радости: Игнат роздал всем подарки, к чаю достал баранки, и рассказывал о своей жизни в Москве. Тут он вспомнил о гривеннике, который он спрятал в спичечную коробочку, и пошел его искать в своем сундучке. Но ни коробочки, ни гривенника он не нашел.

- Видно выскочил мой гривенничек из сундука, когда я сбросил его с саней, и сундук отперся. А жаль! хороша была монетка! Теперь в снегу ее не найдешь.

Погоревал Игнат, да и забыл о своей пропаже. Хотел Игнат кое-что поработать, чинить избушку, обкладывать ее соломой, чтобы теплее было, а в воскресенье, выпросив у соседа санки с лошадей, поехал в город на конную покупать и себе лошадь. Взял с собой сына, Петьку, который надел свою новую шапку, вообразил себя молодцом и просил у отца вожжи поправить самому лошадей.

И зажил Игнат дома, хозяйничал и исправил все дела.

Наступила ранняя весна, снег растаял, по дорогам была грязь и лужи, и ходить было трудно.

На деревне жила старушка, Прасковья Тимофеевна, вдова священника. У неё была дочь, уже не молодая девушка, и только еще собачка, шавка, такая же старая, как и попадья Прасковья Тимофеевна, которая спасла шавку от смерти. Идет она раз около канавы, слышит, что-то пищит; посмотрела, видит щенка, лапка у него одна сломана, сам весь мокрый, холодный. Взяла его старая попадья и принесла домой. Накрыла шерстяным платком, напоила теплым молоком и забинтовала лапку. Шавка выздоровела, выросла и очень привязалась к Прасковье Тимофеевне. Куда бы она ни пошла, шавочка за ней. А дом так хорошо караулила, что никому и подойти не давала.

Собралась раз старая попадья навестить свою соседку, в другое село; там же жила и её любимица крестница Наташа. Идет, идет по дороге, башмаки все в грязи, идти тяжело; шавочка бежит впереди. Вдруг она остановилась и стала копать лапкой в грязи. Прасковья Тимофеевна нагнулась и увидела спичечную коробочку, всю размокшую и полинявшую.

- Брось, шавочка, брось, это просто дрянь, не стоит останавливаться.

Но вдруг что-то блеснуло, и Прасковья Тимофеевна увидела светлый гривенник, который выпал из сундучка Игната.

- Вишь, обронил кто-нибудь, - сказала старушка и спрятала монетку в кошелек.

Побывав в гостях, Прасковья Тимофеевна вернулась домой усталая, вынула из кошелька гривенник, полюбовалась им, и, положив его на стол, села вязать чулок. Шавка легла у её ног, и обе задремали. Вдруг шавка вскочила, залаяла и бросилась со всех ног к комоду. Она толкнула столик, гривенник упал, покатился по полу и провалился в щель. В эту самую минуту огромная крыса выбежала из-под комода. Старая попадья вскрикнула и стала звать народ. Прибежала её дочь, дворник с палкой и, узнав, что старушка испугалась крысы, стали ее выгонять. Крыса выбежала, дворник ударил её, но она спасаясь, с страшной быстротой вскарабкалась на большой образ Спасителя.

- Ах, окаянная, на образ влезла! - вскрикнула дочка и смахнула крысу половой щеткой. Крыса шлепнулась об пол, дворник опять ее ударил. Не помня себя, вся избитая, крыса бросилась на Прасковью Тимофеевну и в одну минуту вскочила сзади под её широкую кофту.

- Батюшки! помогите, ах ты, мерзкая! - кричала старушка, схватив руками крысу вместе с кофтой, в которую она вцепилась.

Дворник помог вынуть крысу, бросил ее на пол, хотел добить, но крыса исчезла, и как ее ни искали, нигде не могли найти.

Старушка попадья хватилась потом гривенника, который она положила на стол. Начали его искать; дочка её отодвигала мебель, ползала под диван, выметала из-под комода сор, но гривенник пропал.

Через несколько дней в этой самой комнате был такой дурной запах, что никто там не мог сидеть. Все поняли, что пахнет мертвой крысой. Позвали плотника, подняли доски и нашли мертвую крысу, которую поспешили выбросить.

- Ишь ты! - воскликнул плотник. - Крыса себе и капитал припасла. Вишь, рядом с ней какой светлый гривенник лежит.

Плотник взял монетку, полюбовался ею и отдал старой попадье.

- Под полом, матушка, нашел, знать в щель провалился.

- И то! Мы его искали, не нашли, а вот случай такой вышел... Возьми его себе на чай.

- Спасибо, матушка.

И плотник спрятал гривенник в свой кошелек, собрал инструменты и пошел домой.

И где только еще не побывал наш гривенник! Попал он раз к маленькой татарке. Вот как было дело.

Шел татарин на работу в Самарскую губернию. У татарина была жена и двое детей: маленький мальчик двух лет, которого звали Нагим, здоровый, толстый и веселый, и девочка, Алифа, четырех лет, с большими глазами, жалкая, голодная и всегда грязная. Мальчик был очень тяжел, нести трудно, а идти далеко. Тогда татарин сделал тележку на четырех деревянных колесах, посадил туда Нагима и повез его. Девочка же шла пешком.

Пришли они наконец в большое село и нанялись к богатому мужику работать в поле. Сделали шалаш небольшой и поселились там на все лето.

Днем татарин с женой работал, девочка смотрела за братцем. По вечерам же татарин пел свои унылые песни и играл на дудочке, а дети и их мать спали.

Всегда голодная девочка часто убегала в деревню. По-русски она почти не говорила, а выучилась просить хлеба, который называла лепешкой. Подойдет к богатой избе, увидит, как дети едят, станет у крыльца или у окна и жалобно просит: «тетка, лепешку давай!» Дадут ей кусок пшеничного хлеба, она его схватит своей грязной ручонкой и побежит. А другой рукой и грязным рукавом она все терла свои больные глаза.

Увидала ее жившая на селе докториха, приехавшая лечить больной народ; пожалела ее и взялась ей помочь. Сначала всю ее вымыла, стала поить ее молоком и лечить её глаза. Маленькая татарка совсем поправилась и стала такая полненькая и даже хорошенькая. Она очень полюбила докториху и все сидела у неё. Отец девочки хотел заплатить докторихе деньги за лечение и высыпал на стол несколько гривенников. Там был и наш знакомый гривенник. Но

добрая докториха себе денег не взяла, а позвав маленькую татарку, смерила кругом её тоненькую шейку и принялась гвоздем пробивать дырочки во всех гривенниках. Когда она это сделала, она пришила за эти дырочки все гривенники к ленточки и надела на шейку маленькой татарки.

- Ну, посмотришь в зеркальце, хорошо? - спросила она, ставя перед девочкой небольшое зеркальце.

Алифа засмеялась от радости, а отец её посмотрел с благодарностью на докториху. Татарки всегда носят монетки на шее или на косе, и татарин был рад, что нарядили его девочку.

Когда прошло лето, они заработали денег и ушли к себе домой. Гривенник долго жил у татарки Алифы на ленточке, но ленточка раз оборвалась и все гривенники рассыпались во все стороны. Наш знакомый гривенничек тоже укатился, его схватил проходивший мимо мальчик - и унес к себе. Он хотел на него купить что-нибудь, но гривенника с дырочкой никто не брал.

Отдали его за несколько копеек купцу, который торговал старым серебром. Наш гривенник, потемневший, старый, грязный и проткнутый гвоздем попал опять в большой котел, в котором расплавляли старое серебро, и когда расплавили, то снова сделали новенькие серебряные вещи и монеты.

Так и наша жизнь: родимся новенькими, светлыми, чистыми младенцами; проживем жизнь с разными переменами, и уйдем опять туда, откуда пришли, чтобы начать жить **НОВОЙ ЖИЗНЬЮ НА ТОМ СВЕТЕ.**

ВАНИЧКА.

Истинное происшествие из его жизни.

Ваня

В отдаленном переулке Москвы стоит желтый деревянный дом среди большого сада с липовой аллеей, курганом, беседкой и даже яблонями.

В саду этом особенно хорошо весной: сирень цветет, дорожки посыпаются песком, кое-где краснеют тюльпаны и цветут душистые нарциссы. Рядом с этим садом, за забором, еще сад, еще больше и красивее.

В этом деревянном желтом доме жила большая семья, в которой меньшей сын был Ваничка, любимый всеми, худенький, бледный, кудрявый мальчик, с золотистыми волосиками, очень умными, ласковыми глазками и весь легонький, воздушный и веселый.

Ему было шесть лет, и он был такой добрый, что не мог выносить, если кто-нибудь плачет, или скучает, или сердится, или ссорится. На него находила тоска, беспокойство, и он выдумывал, как бы помирить ссорившихся, обласкать печального, утешить плачущего или

развеселить сердящегося. Если ему это не удавалось, он начинал сам плакать так горько, что всем делалось его жалко, и все делались добрее.

Раз няня повела его гулять, а было холодно; мать его стала няне выговаривать, а Ванечка заплакал и стал просить мать не бранить няню, что пусть лучше он умрет, а няню не надо обижать.

На Рождестве была елка; Ванечка просил мать не звать богатых гостей, а созвать бедных и всем подарки сделать. Мать согласилась, позвала детей бедной учительницы, еще одного горбатенького мальчика, потом детей прислуги, и Ванечка был в восторге. Особенно его радовало, как маленький беленький горбатенький Игорь возил тележку и все оглядывался на нее и смеялся от радости. Ванечка хлопал ручками и тоже заливался смехом. Роздали и детям лакея, и детям дворника и всем столько картонажей, орехов с сюрпризами, хлопушек, что дети насилу могли унести подарки.

Ванечка смеялся и тому, как, разорвав хлопушки, все дети нарядились в разные бумажные колпачки и гуляли вокруг елки, кусая крепкие красные крымские яблоки и пряники фигурами. Но вдруг Ванечка стал грустен, сел на стул, свесил свои тоненькие ножки и молча глядел блестящими глазами на проходивших мимо лакеев, готовивших чай, на няню и другую прислугу, пришедшую посмотреть елку.

- Что ты, Ванечка, грустный, тебе не нравятся твои игрушки?

- Что ты, мама, ужасно нравятся, и музыкальный ящик, и лошадка, и все; только знаешь, мама милая, сделай какое-нибудь веселье нашим людям. Они всегда нам служат, а у них нет веселья, сделай пожалуйста.

И Ванечиной матери стало совестно за то, что не ей пришла в голову эта мысль, что Ванечка прав, и она стала придумывать, какое сделать удовольствие прислуг: взять ли ложу в театр, или сделать угощение какое.

Свои вещицы, картиночки, коробочки, игрушки Ванечка очень любил раздавать. Ему было шесть лет, но он умел писать, и бывало нарежет бумажки и напишет: «от Вани Маше», и приложит записочку к своему подарочку и снесет горничной. А то повар был именинник, он ему купил спичечницу и написал: «на память от Вани».

Особенно он любил праздновать именины няни; он называл это «справлять именины». Он волновался за несколько дней, у всех спрашивал, кто что подарит няне и сам готовил чашку, платочек, шкатулочку или еще что. Няня покупала колбасу, мятные пряники, халву и мармелад и всех угощала, и Ванечка торжествовал.

Ванечка очень любил свой сад: зимой там была горка, с которой он катался с сестрой Сашей и с детьми артельщика; потом ему в эту зиму купили коньки и поливали каток небольшой, и Ванечка выучился кататься на коньках и очень это любил.

Но весной было еще лучше: везде можно было бегать, и на курган, и в беседку, и к стене кирпичной, где камешки были разноцветные, и к колодцу, из которого качали, чистую, свежую воду.

Раз Ванюшка ушел в сад один без няни, и ему стало любопытно узнать, что делается в соседнем большом саду за забором. Он влез на пень, нашел в гнилом заборе дырочку и стал смотреть; в саду гуляли все мужчины: одни пили, другие что-то болтали, некоторые сидели на лавочках и палками чертили что-то по песку.

Один из этих людей, человек немножко седой, но с добрыми и очень грустными глазами, подошел близко к забору и, заметив, что кто-то глядит, тоже нагнулся и посмотрел. Ванюшка испугался и убежал домой. Он рассказал няне, что видел гуляющих, что кто-то подошел и он убежал. Няня так и ахнула.

- Что это ты, Ванюшка, разве можно смотреть туда? Ведь это все сумасшедшие, больные. Это страшно, они тебя испугают. Но Ванюшка не испугался. На другой день, когда няня ушла обедать, он позвал сестру Сашу и помчался по липовой аллее прямо к забору и к своей дырочки в заборе.

Вчерашний грустный больной опять гулял по саду.

- Здравствуйте, пропищал в дырочку тоненький голосок Ванюшки.

- Здравствуйте, - ответил больной, улыбаясь. - Вас как зовут?

- Ванюшка. А вас?

- А меня тоже Иван Васильевич.

- Вы больной? - спросил Ванюшка.

- Да, я больной; я очень несчастный. У меня был сынок, мальчик такой, как вы, и он умер, я заскучал и стал больным.

Ванюшка вздохнул, поднял плечики, задумался и сказал:

- Я вас буду любить, и мы будем разговаривать всякий день, хотите?

Саша стала звать домой брата, ей было жутко, что он с сумасшедшим беседует, но он её не слушал, ему надо было исполнить свое любимое дело -утешить несчастного, и он весь был поглощен этим.

- Как звали вашего мальчика?

- Ванюшкой, как тебя. Он пошел раз рыбу ловить, упал в воду; его достали, принесли мокрого домой, он простудился, заболел и умер, и у меня теперь никого не осталось.

- А он теперь ангел, - утешал Ванюшка.

- Да, а я все-таки один и мне скучно.

- Я буду приходить сюда всегда, всегда; я вам принесу книжечку свою, и у меня много картинок, и мы будем обо всем говорить и о вашем Ванюшке.

- У тебя есть папа и мама?

- Да, есть.

- А ты кого больше любишь?

Ваничка строго посмотрел на чужого человека и сказал спокойно:

- Я всех люблю. И вас люблю. Больной задумался тоже.

- Да, надо всех любить и тогда легче будет ...

Ваничка переменял разговор и начал говорить о няне, о том, как он письма пишет и Богу молится, как он любит грибы искать и т. д.

Домашние и няня уже не мешали Ваничке знакомству с больным через забор. Дурного ничего от этого не было, а хорошего много.

Раз больной принес Ваничке шоколад. Он очень взволновался и спросил мать: ничего, что это дал сумасшедший, можно есть?

Ваничка ужасно любил сладости и обрадовался, когда сказали ему, что конечно ничего, что можно есть шоколад.

А то, когда зацвели синие подснежники, больной нарвал большой букет и просунул его в дырочку. Ваничка взял, поблагодарил и снес матери, с покровительственной улыбкой объясняя ей, что это все его бедненький Иван Васильевич ему сует в дырочку забора.

Так продолжалось всю весну, до отъезда Ванички в деревню. Но вот уложились, сняли везде драпировки, выбили на дворе ковры и мебель, экономка Дунечка бегала по всему двору, таская банки, вещи, вытряхая пыль из платьев; дворник Никита сколачивал ящики; приехали подводы, привязали к телеге красную, мычавшую корову, потом рыжего Султана и старого Гнедого вывели из конюшни, тоже привязали к телегам, и весь багаж тронулся.

Собрался и Ваня в дорогу с ковровым мешочком в руках. В этом мешочке все было на дорогу: карамельки, апельсин, книжечка с карандашом, гребешок, кружечка, свисток настоящий, как у кондукторов, бронзовая собачка и пряник.

Перед отъездом Ваничка побежал проститься со своим другом, больным Иваном Васильевичем. Он подошел к дырочке забора и стал громко его кликать. Иван Васильевич подошел и веселым голосом сказал Ваничке:

- И я тоже иду домой, я теперь здоров, перестал скучать.

- Правда? Как я рад! - вскрикнул Ваничка. - Прощайте!

- Прощай, мой милый, маленький дружок. Ты меня утешил, ты добрый, хороший мальчик... Я тебя очень, очень люблю... и я тоже теперь *всех* люблю, а главное, буду любить *всех* детей, а не одного своего умершего мальчика...

Ваничка не совсем понял, что сказал Иван Васильевич, но он понял, что все хорошо, что Иван Васильевич выздоровел и всех любит, и Ваничка был в восторге.

- А вот письмо, отдай маме, - прибавил Иван Васильевич.

- Да, да, - сказал Ваничка; он очень любил письма, и писать, и получать, и ему весело было передать письмо матери.

Иван Васильевич дал Ваничке две большие шоколадные конфетки и ушел, а Ваня побежал отдать письмо матери. Вот что было там написано:

«Сударыня, уважая я хотел вам сказать, что я скорбел душой, тосковал и оплакивал своего единственного умершего сына и помешался от горя. Я думал, что возврат к жизни мне был невозможен. Теперь я здоров, и не доктора исцелили меня, но Бог послал мне утешением вашего Ваничку, этого ангела, который мне дал счастье новой любви к нему и через него ко всем детям и людям. И я исцелился через него и теперь уезжаю из лечебницы, благословляя соседство вашего дома с ней. Да благословит Господь вашего малютку-сына и весь ваш дом. Прощайте».

И. Т.

СПАСЕННЫЙ ТАКС.

Рассказ Вани

Моему брату Мише подарили Такса, собачку на коротких ногах, с длинными ушами и всю черную. Она была скучная, тихо ходила и ни с кем не играла. Весь день она лежала, свернувшись в уголке, и только для того вставала, чтобы поесть или попить. Ела она очень мало, мы с ней ужасно мучались, клали ей в рот кусочки мяса насильно и решили, что она больна.

Мама была недовольна, что взяли в дом такую скучную и хилую собачку, и хотела ее отдать прежнему ее хозяину, а Миша жалел ее и не хотел с ней расстаться.

Как-то раз Такс исчез. Мама была рада, а Миша все ее искал, и, наконец, узнал от дворников, что Такса видели на соседнем пивоваренном заводе. Там жили три мальчика, сыновья главного пивовара; им понравилась эта коротконогая собака, они ее прикормили и оставили у себя. Но через несколько дней Такс опять явился к нам. И так он кочевал от нас к соседям и обратно к нам.

Была ранняя весна. На московских улицах растаял снег, текли ручьи, а у нас в саду еще кое-где кучками лежал снег. Мы его раскидывали своими лопаточками и увозили на тачках подальше в угол сада, В это время Такса нашего опять не было дома. Он пропадал уже несколько дней. Посылали на завод, но и там его не было. Думали, что его кто-нибудь увел, или что просто он издох. Миша решил, что его надо везде искать. Мы обошли все кусты, раскапывали мокрые листья, посмотрели за колодцем, у забора, в сараях, конюшне, подвалах -

нигде его не было. Тогда мы решили, что он пропал, и принялись дочищать то место перед домом, где мы зимой катались на коньках, а весной играли в крокет и другие игры. Когда работа была кончена, и весь снег раскидан, мама показала нам на грядках, как вылезали из-под мокрой лиственной земли желтовато-зеленые острые кончики гиацинтов, тюльпанов и нарциссов. - «Вот все это скоро зацветет», - говорила мама. Нам было очень весело в саду и не хотелось идти домой, но пора было завтракать, и мы понесли лопаты, грабли и тачки в беседку, куда всегда убирали наши салазки зимой и наши садовые инструменты летом.

Вдруг вижу я в уголки беседки, куда я хотел поставить лопатку, что-то маленькое, круглое и черное. Я показываю мама, но она близорука и ничего не видит.

- Идите же, дети, скорей домой, все нас ждут, - говорила она.

Тогда я ей говорю:

- Мама, да ты нагнись, посмотри, это ведь наш Такс.

- Что ты говоришь, Ваня, где Такс?

В это время сестра моя, Саша, слепая, как и мама, стала на колонки и, нагнувшись совсем близко, тоже увидела несчастного Такса, неподвижно лежавшего, свернувшись клубочком, в самом углу на месте, в котором уложены были луковицы цветов, и который так с осени и остался в углу беседки.

- Боже мой, он мертвый! - вскричала мама, и я видел, что ей стало жаль собачки. Но я в это время тронул Такса, и он чуть-чуть пошевелился. Мама мне закричала:

- Не трогай Такса, Ваничка, он издох.

- Нет, нет, он живой, право, живой, - кричал я, - он дышит.

Мы с Сашей осторожно подняли мордочку Такса, и он едва открыл глаза. Худ он был ужасно; видно было, что он от болезни, от слабости и голода страшно отоцал. Мама послала Сашу в кухню за какой-нибудь едой Таксику.

Саша принесла в какой-то плохонькой глиняной чашечке похлебку. Мама сунула мордочку Такса в чашечку, но он жался, жмурил глаза и долго не мог есть. Наконец, пришла няня и говорит:

- Что ж вы не идете завтракать. Папа и барышни ждут, Андрюша из гимназии пришел, а вас никого нет... Батюшки! - удивилась няня, - что ж это там у тебя, Ваничка?

- Наш Таксик, - ответил я.

- Я нечаянно увидел его, когда убирал лопатку; посмотрите, няня, какой он жалкий!

- Ну, Бог с ним, бросьте, - фу! издыхает совсем, а вы его трогаете.

Но мне так жаль было собачки, что и есть не хотелось, и не мог я от нее уйти. Раз я нашел ее, я хотел ее спасти, и принялся снова тыкать ее мордочку в суп. Вдруг она высунула свой сухой язычок и стала хлебать похлебку.

- Ура! - закричали мы, захлопали в ладоши и с радостными криками побежали тоже завтракать.

По дороге домой мама мне сказала:

- Ну вот, Ваничка, ты спас жизнь этой собачки; если б ты ее не увидел, она издохла бы, потому что была слишком слаба и больна, чтоб пойти самой искать себе пищу.

Я был очень счастлив, Миша и Саша тоже хвалили меня.

С этого дня мы стали ухаживать за Таксом и кормить его. Он поправился, стал ловить крыс и мышей и очень привязался ко всем нам. На завод он больше не убегал, и что удивительнее всего, это то, что и мама его полюбила с этого дня.

Оцифровано с издания:

Толстая, Софья Андреевна (1844-1919). Куколки-скелетцы и другие рассказы / Гр. С. Толстая; С 8 рис. в красках, исполн. по плану авт., худож. А. Моравовым. - Москва : Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1910. - 94 с., 7 л. цв. ил. : ил.; 22.